ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ

ДЕКАБРЬ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

ДЕКАБРЬ, 1898 г.

стр.

I Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). VI—XIII. (Окончаніе). **И. Н. Потапенко** 851

II. Воспоминанія **Константина Карловича Жерве.** XV. (Окончаніе). 901

III. Въ интеллигентной колоніи. **М. Е. Ермолиной** 909

IV. Воспоминанія **Екатерины Ивановны Раевской.** VI—X. (Окончаніе). 936

V. Деревенскіе дѣльцы. Новые баре. **В. А. Тимашева-Беринга** 976

VI. Объ изученіи Пушкинскаго періода русской литературы. **А. И. Кирпичникова** 1014

VII. Театральныя воспоминанія. Глава седьмая. I—VII. (Окончаніе) **В. А. Тиханова** 1026

VIII. Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). VIII—XII. (Окончаніе). **А. В. Круглова** 1045

Иллюстраціи: 1) Общій видъ Спасо-Каменнаго монастыря.—2) Храмъ и настоятельскій корпусъ Спасо-Каменнаго монастыря.—3) Настоятель Спасо-Каменнаго монастыря игуменъ о. Павелъ.—4) Рака и на ней крестъ съ мощами св. Іосифа въ Спасо-Каменномъ монастырѣ.

X. Императоръ Александръ I и его эпоха. Періодъ третій. 1816—1825. **В. А. Тимирязева** 1076

Иллюстраціи: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.—2) Императоръ Александръ I.—3) Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.—4) Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императоръ Александръ I.—5) Казармы л.-гв. Семеновскаго полка въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—6) А. И. Михайловскій-Данилевскій.—7) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.—8) Архимандритъ Фотій.—9) Наводненіе въ С.-Петербургѣ, 7 ноября 1824 года.—10) Дворецъ въ Таганрогѣ.—11) Кончина императора Александра I.

XI. Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ 1113

Иллюстрація: 1) Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильно.

XII. Лордъ Витвортъ и Е. И. Нелидова. **Е. С. Шумигорскаго** 1124

XIII. По китайскому побережью. IX. Городъ Кантонъ. X. Городъ Нью-Чуанъ. (Окончаніе). **В. Д. Черевкова** 1132

XIV. Критика и библіографія. 1169

1) Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. № 1 и 2. Спб. 1898. **Г. Эрастова.**—2) Виленскіе очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время). А. Н. Мосолова. Спб. 1898. **К. Х.** — 3) Сочиненія К. К. Случевскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1898. **А. Круглова.** — 4) Кенетъ Грээмъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898. **Г—скаго.**—5) В. Н. Хитрово. Письма о Святой Землѣ. Спб. 1898. **С.**—6) Настольный энциклопедическій словарь. Подъ редакціей прив.-доц. спб. унив. П. И. Вейнберга. Книгоиздательство Н. С. Аскарханова. Выпуски I и II. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—7) Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губерніи. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Т. III и послѣдній. Спб. 1898. **Б. Г.**—8) А. Штылько. Астраханская лѣтопись. 1554—1897 гг. Астрахань. 1898. **А. Титова.**—9) Общественная жизнь Англіи. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елизаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. **А. К.**—10) Евг. Соловьевъ (Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848 г.). Спб. 1898. **Р. Рудакова.**—11) Н. Тиктинъ. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса. 1898. **Σ.**—12) В. М. Грибовскій (Гридень). Студенческіе разсказы. Спб. 1898. **Щ.** — Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эри-

См. слѣд. стр.

905
ISV
V.19
no.12

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЪ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

(ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ и ДЕКАБРЬ 1898 года).

стр.

Извѣтъ. (Эпизодъ изъ послѣднихъ лѣтъ старорусскихъ порядковъ). **Е. Н. Опочинина.** 5

Воспоминанія **Константина Карловича Жерве.** XI — XV. (Окончаніе). 40, 450, 901

Эмене Шерфе. Повѣсть. (Изъ современной крымской жизни). **Л. Е. Оболенскаго.** 80

Мои педагогическія разочарованія. (1866—1868 гг.). (Отрывокъ изъ воспоминаній). **П. Н. Полевого.** 120, 617

Памирскій походъ. (Воспоминанія очевидца). XII — XV. (Окончаніе). **Б. Л. Тагѣева.** 142

Шпіонъ. (Эпизодъ изъ польскаго мятежа 1863 г.). **М. Д. Плахова.** . . 164

Изъ замѣтокъ присяжнаго засѣдателя. **Н. Н. О.** 185, 639

Разсказы М. С. Щепкина. **М. А. Щепкина.** 211

Поѣздка въ Нилову-Сорскую пустынь. **И. Ф. Тюменева.** 228

Иллюстраціи: 1) Крестъ на поворотѣ съ Бѣлозерскаго тракта въ Нилову пустынь. — 2) Св. ворота и Покровская церковь въ Ниловой пустыни.— 3) Внутренній видъ Ниловой пустыни. — 4) Ограда и ворота Предтечева скита въ Ниловой пустыни.— 5) Церковь св. Іоанна Предтечи и домъ надъ колодцемъ преподобнаго Нила.— 6) Входъ въ Успенскій скитъ съ внутренней стороны.—Часовни: Голгоѳа и Геѳсиманія въ Успенскомъ скитѣ.

Къ вопросу о происхожденіи такъ называемаго перваго самозванца. (По поводу открытія о. Павла Пирлинга и сочиненія г. А. Гиршберга). **Г. А. Воробьева.** 245

Русскіе администраторы XVII вѣка. **Г. Н. Шмелева.** 248

Исторія русской фабрики. **Б. Б. Глинскаго.** 253

По китайскому побережью. VII—X. (Окончаніе). **В. Д. Черевкова.** 293, 1132

Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ 310

Иллюстрація: Памятникъ императору Александру II въ Москвѣ.

Двѣ полосы. (Эпизодъ изъ недавняго прошлаго). **И. Н. Потапенко.** . 419, 851

Позднее счастье. (Изъ воспоминаній). **В. Е. Томилина.** 502

Воспоминанія **Екатерины Ивановны Раевской.** 523, 938

Памятный крещенскій сочельникъ. (Страничка изъ семейной жизни). **К. Икскуль.** 557

Карлъ Карловичъ Мёрдеръ, (воспитатель императора Александра Николаевича). **Г. П. Анненкова.** 578

Иллюстраціи: 1) Надгробная плита на могилѣ К. К. Мёрдера въ Римѣ.— 2) Памятникъ на могилѣ К. К. Мёрдера на Смоленскомъ евангелическомъ кладбищѣ въ Петербургѣ.

Поѣздка на Кубенское озеро. (Путевые негативы). **А. В. Круглова.** 664, 1047

Иллюстраціи: 1) Фрязиново.—2) Турундаево.—3) Рабанга на Сухонѣ.— 4) Село Кубенское.—5) Общій видъ Спасокаменнаго монастыря.—6) Храмъ и настоятельскій корпусъ Спасокаменнаго монастыря.—7) Настоятель Спасокаменнаго монастыря, игуменъ о. Павелъ. — 8) Рака и на ней крестъ съ мощами св. Іосафа въ Спасокаменномъ монастырѣ.

стр.

Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ. **Н. Писаревскаго.** 689

Иллюстрація: Памятникъ русскимъ воинамъ въ Данцигѣ.

Новорожденный мессіанизмъ страны доллара и Старый Свѣтъ. (Соціологическій очеркъ). **Евгенія Правдина.** 704

Яковъ Петровичъ Полонскій. (Некрологъ) 722

Иллюстрація: Яковъ Петровичъ Полонскій.

Общественныя язвы и борьба съ ними. **Б. Б. Глинскаго.** 734

Сочиненія Вильяма Кокса о Россіи. **Н. Викторова.** 778

Въ интеллигентной колоніи. **М. Е. Ермолиной.** 909

Деревенскіе дѣльцы. Новые баре. **В. А. Тимашева-Беринга.** 976

Объ изученіи Пушкинскаго періода русской литературы. **А. И. Кирпичникова.** 1014

Театральныя воспоминанія. Глава седьмая. (Окончаніе). **В. А. Тихонова.** 1026

Императоръ Александръ I и его эпоха. Періодъ третій. 1816—1825. Реакція. **В. А. Тимирязева.** 1076

Иллюстраціи: 1) Графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ.—2) Императоръ Александръ I.—3) Спальня императора Александра I въ Зимнемъ дворцѣ.—4) Кабинетъ графа Аракчеева въ селѣ Грузинѣ, гдѣ останавливался императоръ Александръ I. — 5) Казармы л.-гв. Семеновскаго полка въ началѣ нынѣшняго столѣтія. — 6) А. И. Михайловскій-Данилевскій. — 7) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій.—8) Архимандритъ Фотій.—9) Наводненіе въ С.-Петербургѣ 7-го ноября 1824 года.—10) Дворецъ въ Таганрогѣ.—11) Кончина императора Александра I.

Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ 1110

Иллюстрація: Памятникъ графу М. Н. Муравьеву въ Вильнѣ.

Лордъ Витвортъ и Е. И. Нелидова. **Е. С. Шумигорскаго.** 1124

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ 352, 788, 1169

1) Церковная исторіографія въ главныхъ ея представителяхъ съ IV-го по XIX-й вѣкъ А. П. Лебедева, заслуженнаго профессора Московскаго университета. Москва. 1898. **С.**—2) Памятники древней письменности. CXXVII. А. Н. Пыпинъ. Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ. Спб. 1898. **Н. П.**—3) С. С. Шашковъ. Собраніе сочиненій. Въ двухъ томахъ. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **А. Фаресова.**—4) Ш. Летурно. Эволюція рабства. Переводъ съ французскаго. Изданіе И. Д. Сытина. Историко-культурная библіотека. Спб. 1898. **К.** — 5) А. С. Пругавинъ. Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **Щ.**— 6) Угорска Русь и ея русски жители. Книжечка для народа съ образками и картою Угріи и Угорской, Галической и Буковинской Руси. Написалъ Григорій Купчанко. Вѣдень. 1898. **Н. Рышкова.** — 7) В. К. Кожевниковъ. Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и раціонализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть I. Москва. 1897. **К.** — 8) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга седьмая, изданная кн. Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціей В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1898. **В. Т.**—9) Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера. Труды Сѣверной комиссіи. 1897—1898 гг. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у Мурмана. II. Учрежденіе инспекціи рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ на Сѣверѣ. Спб. 1898. **Щ.** — 10) Докторъ Леоборъ Нидерле. Человѣчество и доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціей Д. Н. Анучина. Спб. 1898. **К.**— 11) Записки наукового товариства імени Шевченко. Выходять у Львові під редакцією Михайла Грушевського. Том XIX. Львів». 1898. **Н. Р—ва.**—12) Вл. Пландовскій. Народная перепись. Спб. 1898. **Гл.** — 13) Józef Dunin-Karwicki. Ze starego autoramentu. Typy i obrazki Wolynskie. Warszawa. 1899 (!). **К. Х.** — 14) А. Торсое. Исторія нашего столѣтія. 1815—1890. Т. I. 1815—1863. Переводъ съ датскаго М. В. Лучицкой, подъ редакціей профессора И. В. Лучицкаго. Кіевъ. 1898. **К.** — 15) И. Тыжновъ. Замѣтки о городскихъ лѣтописяхъ Сибири. Часть I. Лѣтописи города Тобольска. Спб. **В. Р—ва.**—

16) «Народная трезвость». №№ 1—8. Спб. 1898. **Г. Л. И.**—17) А. В. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владимірской губерніи, получившіе извѣстность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. (Матеріалы для біо-библіографическаго словаря). Выпускъ 2-й. Владиміръ. 1897. **П. Щ.**—18) Н. Каптеревъ. Сношенія іерусалимскихъ патріарховъ съ русскимъ правительствомъ въ текущемъ столѣтіи (1815—1844 гг.). Спб. 1898. **С.**—19) Изданіе Симбирской архивной комиссіи: 1) П. Мартыновъ. Городъ Симбирскъ за 250 лѣтъ его существованія. Систематическій сборникъ историческихъ свѣдѣній о г. Симбирскѣ. 2) Его же. Тагай, упраздненный городъ Симбирскаго уѣзда. Историко-статистическій очеркъ. 3) В. Н. Поливановъ и В. Э. Красовскій. Матеріалы историческіе и юридическіе района бывшаго приказа казанскаго дворца. Томъ II. 4) В. Холмогоровъ. Матеріалы для исторіи Симбирскаго края до второй половины XVIII вѣка. Симбирскъ. 1898. Изданія правителя дѣлъ той же комиссіи Д. И. Сапожникова: 1) Сожженіе въ Симбирскѣ еретика Ярова. 2) А. Я. Шубинъ. Историческая замѣтка. 3) Письма восточныхъ іерарховъ (первая половина XVIII вѣка). Симбирскъ. 1898. **М. С—каго.**—20) В. В. Березовскій. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898. **Г. Т.**—21) Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ до смутнаго времени. Сборникъ статей, изданный подъ редакціей В. Н. Сторожева. Выпускъ первый. М. 1893. (Библіотека для самообразованія. XII). **П. Щ.**—22) Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Профессора А. Трачевскаго. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **К. Лосскаго.** — 23) Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. Соч. К. Харламповича. Казань. 1898. **И. Любарскаго.**—24) Экономическое ученіе Карла Маркса. — Изложеніе и критическій разборъ Л. Слонимскаго. Спб. 1898. **Б. Гл.** — 25) О писательствѣ. М. О. Меньшикова. Спб. 1898. **А. Фаресова.**—26) Л. Грегуаръ. Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Съ приложеніемъ введенія и дополненій. Томъ четвертый. Послѣднее десятилѣтіе имперіи. Война 1870—1871 г. Дополненія: Коммуна. Исторія третьей республики до окончательнаго утвержденія ея въ 1879 г. Переводъ М. В. Лучицкой, подъ ред. П. Б. Лучицкаго. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1897. **А. К.** — 27) А. Д. Ерицовъ. Патріархъ всѣхъ армянъ Нерсесъ V-й, кн. М. С. Воронцовъ и кн. Елис. Ксавер. Воронцова въ ихъ частной перепискѣ. Съ тремя портретами и приложеніями. Тифлисъ. 1897. **Щ.**—28) Четырехсотлѣтіе россійскаго государственнаго герба. Е. Н. Воронца. Харьковъ. 1898. **С. Ш.** — 29) Свое слово. Философско-литературный сборникъ, издаваемый профессоромъ А. А. Козловымъ. М. 1898. **Н. Лосскаго.**—30) Наша родина. Иллюстрированный сборникъ для простонароднаго читанья. Составилъ Григорій Купчанко. Вѣдень. 1898. **Н. Рышкова.** — 31) Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Редакція С. А. Венгерова. Изданіе Г. В. Юдина. Томъ II. Спб. 1898. **С. Ш.** — 32) Эли Соренъ. Исторія Италіи отъ 1815 года до смерти Виктора Эммануила. Переводъ съ французскаго. Культурно-историческая библіотека. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1898. **К.**—33) Искусство и художественная промышленность. Ежемѣсячное иллюстрированное изданіе императорскаго общества поощренія художествъ. № 1 и 2. Спб. 1898. **Г. Эрастова.** — 34) Виленскіе очерки 1863—1865 гг. (Муравьевское время). А. Н. Мосолова. Спб. 1898. **К. Х.**—35) Сочиненія К. К. Случевскаго. Изданіе А. Ф. Маркса. Спб. 1898. **А. Круглова.**—36) Кенетъ Грэмъ. Золотой возрастъ. Переводъ съ англійскаго. Изданіе Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1898. **Г—скаго.** — 37) В. Н. Хитрово. Письма о Святой Землѣ. Спб. 1898. **С.**—38) Настольный энциклопедическій словарь. Подъ редакціей приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета П. И. Вейнберга, Книгоиздательство Н. С. Аскарханова. Выпуски I и II. Спб. 1898. **Бориса Городецкаго.**—39) Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губерніи. Изслѣдованіе Н. О. Осипова. Т. III и послѣдній. Спб. 1898. **Б. Г.**—40) А. Штылько. Астраханская лѣтопись. 1554—1897 гг. Астрахань. 1898. **А. Титова.** — 41) Общественная жизнь Англіи. Религія, законодательство, наука, искусство, промышленность, торговля, литература, нравы и обычаи въ ихъ историческомъ развитіи отъ древнѣйшаго періода до настоящаго времени. Изданіе Г. Д. Трайля. Томъ III. Отъ воцаренія Генриха VIII до смерти Елисаветы. Переводъ съ англійскаго П. Николаева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. **А. К.** — 42) Евг. Соловьевъ (Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810—1848 гг.). Спб. 1898. **Р. Рудакова.**— 43) Н. Тикгинъ. Византійское право, какъ источникъ Уложенія 1648 года и Новоуказныхъ статей. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія. Одесса. 1898. Σ.— 44) В. М. Грибовскій (Гриденъ). Студенческіе разсказы. Спб. 1898. **Щ.** — 45) Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. Изслѣдованіе Александра Брилліантова. Спб. 1898. **К. Х.**—46) Братская помощь пострада-

СТР.

вшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками Сурьянца, съ двумя отдѣльными большими группами армянъ-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и со множествомъ портретовъ, видовъ, типовъ Закавказья, Турецкой Арменіи и пр. 2-е вновь обработанное и дополненное изданіе. М. 1898. Г.— 47) Вѣстникъ археологіи и исторіи, издаваемый археологическимъ институтомъ. Выпускъ X. 1898. В. Б—ва. — 48) М. А. Орловъ. Исторія русской литературы. Т. II. Пушкинскій періодъ. Спб. 1898. А. Л—на.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . 386, 824, 1198

1) Старинный итальянскій лѣтописецъ. — 2) Четырехсотлѣтняя годовщина Савонаролы.—3) Новыя сокровища итальянскихъ архивовъ по исторіи Англіи.—4) Основатель Квебека.—5) Голландія въ XVII вѣкѣ.—6) Гейдельбергское пугало. 7) Олимпія де-Гужъ. — 8) Нельсонъ въ Неаполѣ въ 1799 г.—9) Германскій императоръ у Гроба Господня въ XIII столѣтіи.— 10) Іоанна Безумная.—11) Процессъ маршала Нея.—12) Парижская стачка въ 1740 г.—13) Новая біографія Александра Македонскаго.—14) Гамлетъ въ Исландіи.—15) Женщины въ эпоху возрожденія.—16) Дневникъ Самюеля Пеписа.—17) Расинъ и дѣло объ отравахъ.—18) Авантюристъ XVIII столѣтія.—19) Герцогъ Ришелье на Ахенскомъ конгрессѣ. — 20) Англичане о Россіи.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 393

Къ біографіи М. Ю. Лермонтова. В. М. Цехановскаго.

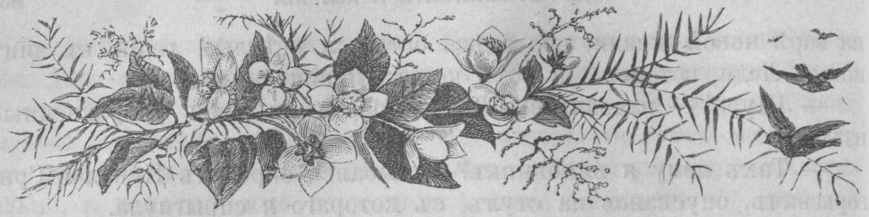
СМѢСЬ 398, 832, 1214

1) Открытіе памятника императору Александру II въ селѣ Бѣлый-Ключъ.—2) Архивъ Московскаго дворянства.—3) Художественная выставка въ Ломжѣ.—4) Присужденіе Уваровскихъ премій.—5) Императорское Русское археологическое общество.—6) Общество исторіи и древностей россійскихъ въ Москвѣ. — 7) Археологическое общество. — 8) Антропологическое общество. — 9) Антропологическій отдѣлъ.—10) Раскопки въ Херсонесѣ. — 11) Археологическая находка. — 12) Комиссія по сохраненію древнихъ памятниковъ въ Кіевѣ.—13) Выставка въ память императора Александра II.— 14) Церковь-памятникъ императору Александру III. — 15) Открытіе памятника П. И. Чайковскому.—16) Присужденіе премій А. А. Котляревскаго.— 17) Юбилей Симбирска.—18) Юбилей А. К. Шеллера.—19) Къ юбилею Пушкина. — 20) С.-Петербургское археологическое общество. — 21) Московское археологическое общество.—22) Учено-литературное общество при Юрьевскомъ университетѣ,—23) Отдѣленіе русскаго языка и словесности при педагогическомъ обществѣ въ Москвѣ.—24) Географическое общество.—25) Географическое отдѣленіе общества любителей естествознанія.—26) Экспедиція въ верховья Аму-Дарьи. — 27) Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи. — 28) Русское отдѣленіе археологическаго общества.—29) Археологическія находки въ Чигиринскомъ уѣздѣ.—30) Мозаика Ломоносова.—31) Московскій историческій музей.—32) Мѣсто убіенія митрополита Филиппа.—33) Некрологи: М. Г. Черняевъ; А. С. Павловъ; С. П. Щепкинъ; Н. Н. Куликовъ; Н. П. Боголюбовъ; Н. Ф. Красносельцевъ; А. А. Макуринъ; Н. А. Новосельскій; Е. И. Конради; А. Д. Михельсонъ; С. З. Бураковскій; А. А. Смирновъ; А. Ѳ. Лишинъ; П. Ф. Борель.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ. 411, 844, 1245

1) Къ біографіи Яна Кохановскаго (1530—1584 гг.). И. Любарскаго.—2) По поводу статьи «На царскомъ пути». Баронессы Е. Н. Гротгусъ, рожденной Лореръ.—3) Отвѣтъ на замѣтку генерала Фельдмана. Виктора Жерве.—4) По поводу разсказа «Шпіонъ». В. фонъ-Валя.—5) По поводу воспоминаній К. К. Жерве о графѣ М. Н. Муравьевѣ. — 6) Къ воспоминаніямъ Е. И. Раевской. С. Бибиковой.—7) Дополненія къ статьѣ «Бѣлинскій въ русской литературѣ». Н. Бахтина.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты: М. С. Щепкина, К. К. Мёрдера и К. К. Жерве.—2) На зарѣ. Романъ изъ исторіи борьбы грековъ за независимость. **Е. Бенсона.** Часть вторая. VIII. Часть третья. (Окончаніе). Переводъ съ англійскаго. (The Vintage). — 3) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырехъ томахъ «Историческаго Вѣстника» 1898 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ въ тѣхъ же томахъ «Историческаго Вѣстника». — 4) Объявленія.



БИБЛІОТЕКА
16. ДЕК 1898
Вятскаго обществ. собранія.

ВОСПОМИНАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЕВСКОЙ[1].

VI.

Дядя П. Г. Бибиковъ.—Его женитьба.—Биби.—1812 годъ.—Поѣздка въ Нижній Новгородъ.—Наборъ.—Сцена съ крестьянами.—Княгиня Кочубей.—Пожалованіе матушки фрейлиной.—Женитьба А. Х. Бенкендорфа на вдовѣ П. Г. Бибикова.—Представленіе имъ государю падчерицъ.—Дядя Д. Г. Бибиковъ.

Старшій братъ матушки, Павелъ Гавриловичъ Бибиковъ, былъ, какъ и всѣ они, красивъ и, какъ первенецъ, любимецъ матери. Въ 1808 году, онъ былъ адъютантомъ у дяди своего, князя Михаила Иларіоновича Кутузова [2]). Будучи съ нимъ гдѣ-то на югѣ (не помню навѣрное, въ какомъ городѣ), онъ влюбился въ очень красивую дѣвушку дворянскаго польскаго происхожденія. Возвратясь въ Москву, онъ просилъ у матери позволенія на ней жениться.

«Иностранка! не русская!»—гордая мать, исполненная предразсудковъ того времени, ни за что не хотѣла дать своего согласія. Дядя Павелъ съ отчаянія заболѣлъ горячкой и въ бреду только и звалъ свою возлюбленную Лизу. Доктора сказали бабушкѣ, что, если она не согласится на бракъ сына, то они не отвѣчаютъ за его жизнь. Тяжела была борьба гордости съ любовью, но любовь осилила. Бабушка дала свое согласіе. Дядя

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXIV, стр. 523.

[2]) Женатаго на сестрѣ его отца, Екатеринѣ Ильиничнѣ.

выздоровѣлъ. Но самой присутствовать на свадьбѣ и допустить къ тому кого либо изъ дѣтей было выше силъ надменной женщины. Дядя уѣхалъ на югъ вѣнчаться.

Возвратился онъ съ молодой женой въ Москву, не предупредивъ о томъ никого изъ родныхъ. Собирается бабушка куда-то выѣхать со старшими дочерьми. По великолѣпной, высокой, гранитной парадной лѣстницѣ Пречистенскаго дома величаво спускается она, поддерживаемая подъ обѣ руки двумя выѣздными, ливрейными лакеями. Матушка моя съ сестрой сходятъ за ней. Вдругъ, видятъ онѣ, идетъ имъ на встрѣчу дядя Павелъ объ руку съ молодой, бѣлокурой красавицей. Красавица, увидя бабушку, отрывается отъ мужа и, обливаясь слезами, бросается въ ноги свекрови. Та ее поднимаетъ... Сынъ прощенъ.

Но любить свою невѣстку не въ силахъ была бабушка. За то матушка и тетушки скоро къ ней привязались и горячо ее полюбили. Эта дружба и впослѣдствіи сохранилась. Жаль имъ всѣмъ было молодой красавицы, попавшей въ чуждую семью, въ чуждую среду, въ чужую землю, вдали отъ кровныхъ родныхъ своихъ. Дядя же не могъ вынести холодности матери, которую нѣжно любилъ, къ женѣ, въ которую страстно былъ влюбленъ. Онъ опять уѣхалъ на войну. Первую дочь Павла Гавриловича, Екатерину, бабушка страстно полюбила. Дѣвочка сама себя прозвала «Биби», и такъ ее всегда звали въ семьѣ [1]).

Дядя Павелъ пріѣзжалъ въ отпускъ, потомъ опять уѣзжалъ на службу. Наступилъ 1812-й годъ. Объ этой эпохѣ въ нашей русской исторіи столько было писано, что о ней распространяться не стану.

Всѣ, кто могъ, уѣзжали изъ Москвы. Бабушка со всѣмъ семействомъ, съ внучкой Биби, съ беременной невѣсткой, поднялась въ Нижній Новгородъ. Взяли съ собой что могли изъ имущества, кого изъ прислуги и, ради больной невѣстки, молодую, восемнадцатилѣтнюю акушерку, нѣмку Елисавету Ивановну Ницманъ, которая, по искусству своему, впослѣдствіи была въ Москвѣ знаменитостью.

Въ 1812 году, отецъ мой, тогда уже обрученный женихъ, и всѣ дяди Бибиковы были въ дѣйствующей арміи. Одного пятнадцатилѣтняго сына Александра взяла бабушка съ собой почти насильно, но и онъ ждалъ своего назначенія, чтобъ поступить въ полкъ [2]).

---

[1]) Она была высокаго роста, бѣлокурая, но не такъ хороша, какъ мать ея; вышла замужъ за генерала Офенберга. Она до сихъ поръ жива, живетъ въ Дрезденѣ. У нея была очень хорошенькая дочь, вышедшая за Чихачева. Одинъ изъ ея сыновей командуетъ теперь бригадой. Дѣдушка всѣ имѣнія оставилъ женѣ, а она по произволу надѣляла дѣтей своихъ. Внучкѣ Екатеринѣ Павловнѣ она дала полторы тысячи душъ, часть, превышающую то, что получили сыновья, а второй внучкѣ Еленѣ Павловнѣ 500 душъ. Ни одна изъ дочерей бабушки не получила и половины этой доли.

[2]) Изъ Нижняго Новгорода онъ отправился въ полкъ, былъ убитъ такъ же, какъ и дядя Павелъ Гавриловичъ.

Тянется поѣздъ на своихъ лошадяхъ: нѣсколько каретъ, колясокъ, бричекъ и фуръ. Пріѣзжаютъ въ какую-то деревню Владимірской губерніи. Все населеніе на улицѣ. Берутъ рекрутовъ. Вотъ какимъ образомъ: всѣхъ поголовно и старыхъ и молодыхъ, кромѣ, конечно, дряхлыхъ стариковъ, становятъ въ рядъ. Наборщики начинаютъ съ конца, отсчитываютъ: разъ, два, три и т. д., десятому лобъ бреютъ: онъ рекрутъ! При томъ не обращаютъ вниманія ни на какія смягчающія обстоятельства. Ропотъ и отчаяніе во всемъ селѣ. А тутъ еще тянется поѣздъ барскій. Крестьяне скучиваются и съ громкимъ крикомъ окружаютъ экипажи. Останавливаютъ лошадей.

— У насъ сыновей, отцевъ берутъ въ солдаты, на бойню тащатъ, а господа бѣгутъ отъ французовъ! Держи ихъ!

Лакеи всѣ прячутся, кучера дрожатъ на козлахъ. Поѣздъ останавливается. Матушка, ей было тогда двадцать лѣтъ, спускаетъ окно кареты и, обращаясь къ толпѣ, спрашиваетъ: «что вамъ надо?». Увидя молодое, красивое лицо дѣвушки, толпа немного стихаетъ.

— Вотъ, барышня, у меня сына въ солдаты берутъ!

— И у меня!

— И у меня!

— А сколько у тебя сыновей?

— Три.

— А у тебя?

— Два.

— А у тебя?

— Четыре, да двое вовсе малолѣтки.

— Православные! — взываетъ матушка громкимъ голосомъ.— Осмотрите всѣ повозки! Увидите, что мы здѣсь однѣ женщины. Матушка старуха, вдова, у нея пять сыновей: четыре моихъ брата дерутся въ рядахъ арміи, а пятый почти ребенокъ, ему пятнадцать лѣтъ, а онъ рвется на войну, ждетъ только назначенія и надняхъ уѣдетъ въ полкъ. Мой женихъ, продолжаетъ она краснѣя, со слезами на глазахъ, —и тотъ теперь на войнѣ; живъ ли, нѣтъ ли? не знаю.

Крестьяне между тѣмъ утихли и успѣли осмотрѣть всѣ экипажи. Сняли шапки и почесали затылки.

— И впрямь, вишь, однѣ бабѣ да дѣти! Правду гуторитъ.

Разступилась толпа и съ поклономъ отпустила поѣздъ, который двинулся впередъ.

Въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ губернскихъ городахъ, собралась цѣлая колонія москвичей [1]). Жили

---

[1]) Матушка мнѣ передала одинъ случай, бывшій въ Нижнемъ Новгородѣ во время ихъ тамъ пребыванія, случай, весьма рѣдкій въ лѣтописяхъ медицины.

грустно, между собою дружно, передавая другъ другу получаемыя изъ арміи извѣстія, которыя съ жадностью и трепетомъ читались и перечитывались. Привозились въ Нижній транспорты плѣнныхъ французовъ, голодныхъ и холодныхъ, которыхъ пригрѣвали и кормили, насколько кто могъ.

Тутъ беременная жена дяди Павла родила вторую дочь, Елену, которая въ свое время была одной изъ первыхъ петербургскихъ красавицъ. Она была въ отца, черноволосая, небольшого роста, но отлично сложена; цвѣтъ лица бѣлый, свѣжій; черные большіе глаза—Бибиковскіе; умъ и знаніе свѣта у нея были замѣчательные.

Портретъ Елены, когда она была замужемъ за милліонеромъ княземъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ, былъ помѣщенъ въ кипсекѣ «Le livre des beautés» [1]), изданномъ въ С.-Петербургѣ. Овдовѣвъ, Елена вышла за князя Кочубея. Послѣ смерти Кочубея она отказывала всѣмъ въ нее влюбленнымъ искателямъ ея руки. Австрійскій посланникъ, Эстергази, огорченный ея отказомъ, занемогъ и чуть не умеръ съ горя. Княгиня Кочубей до самой смерти занимала, какъ штатсъ-дама, весьма почетное мѣсто и пользовалась большимъ вѣсомъ при царскомъ дворѣ.

Въ послѣдній разъ видѣла я княгиню Кочубей въ Москвѣ у матушки моей въ 1855-мъ году: она привезла къ ней свою дочь [2]) Кочубей и племянницу Офенбергъ (дочь Биби); обѣ были очень красивы, каждая въ своемъ родѣ: молодая Офенбергъ была высокаго роста блондинка, а княжна Кочубей — небольшого роста въ мать; волосы каштановые, глаза каріе. Но красивѣе ихъ обѣихъ была сама княгиня Кочубей: ей было тогда 43 года, она была уже бабушкой, а казалось ей не болѣе двадцати пяти лѣтъ; особенно плѣняло выраженіе ея бархатныхъ, большихъ, черныхъ глазъ. Видѣла ее днемъ и безъ всякой примѣси косметиковъ на свѣжемъ, прекрасномъ лицѣ.

Не суждено было дядѣ Павлу видѣть этого прелестнаго ребенка. Въ Нижнемъ Новгородѣ получено было извѣстіе о его смерти. Онъ былъ убитъ на войнѣ съ Турціею. Въ то же почти время дядя Александръ былъ убитъ на дуэли въ арміи.

Когда императоръ Александръ I прибылъ въ Москву, то, сочувствуя горю бабушки, посѣтилъ ее. Она встрѣтила его, обливаясь слезами.

По просьбѣ дяди, фельдмаршала князя Кутузова-Смоленскаго, въ 1813-мъ году, матушка моя была пожалована фрейлиной императорскаго двора.

Одна молодая женщина ихъ круга, также бѣжавшая изъ Москвы, родила благополучно, но послѣ родовъ никакъ не могла поправиться. Врачи же не могли понять причины ея болѣзненнаго состоянія. Наконецъ, спустя мѣсяцъ послѣ родовъ, она выкинула трехъ-мѣсячнаго ребенка и потомъ совершенно выздоровѣла.

[1]) «Книга красавицъ».

[2]) Вышедшая впослѣдствіи за графа Шувалова.

Вдова дяди Павла, по окончаніи войны, жила съ дѣтьми у бабушки моей; потомъ уѣхала къ своимъ роднымъ, гдѣ познакомилась съ графомъ Александромъ Христофоровичемъ Бенкендорфомъ, за котораго и вышла замужъ [1]). Дочь ея Елену отчимъ боготворилъ: онъ и впослѣдствіи ее любилъ болѣе своихъ собственныхъ дочерей, красивыхъ блондинокъ.

Когда Бенкендорфъ доложилъ государю Александру I о своей женитьбѣ, государь пожелалъ видѣть его двухъ падчерицъ Бибиковыхъ. Ихъ повезли во дворецъ. Старшая была въ мать бѣлокурая и не дурна собой, но застѣнчива и молчалива. Меньшая Елена, по третьему году, была красавица брюнетка со вздернутымъ, шаловливымъ носикомъ и умна не по лѣтамъ. Царь взялъ ее на руки и спросилъ:

— Нравлюсь ли я тебѣ? (разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ).

— Очень,—отвѣтила дѣвочка и ручкой погладила царя по лысинѣ.—Vous êtes chauve comme papà (она такъ звала отчима), mais quelle différence! Vous êtes beau, et papa est laid! [2]).

Государь поцѣловалъ ее и попросилъ ее спѣть ему пѣсенку. Дѣвочка тотчасъ запѣла:

«Vive Alexandre! vive le roi des rois!» [3])
и такъ далѣе.

Эта пѣсня тогда сложена была въ честь Александра I.

Когда, послѣ этого дѣтскаго визита, государь увидалъ Бенкендорфа, то сказалъ ему:

— Не ссорь меня съ бабушкой: я знаю, что она старшую внучку боготворитъ; а признаюсь тебѣ, меньшая гораздо милѣй!

Второй по лѣтамъ сынъ бабушки, дядя мой Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ (при императорѣ Николаѣ I генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ, а потомъ министръ внутреннихъ дѣлъ), былъ въ 1812 году адъютантомъ фельдмаршала князя Михаила Иларіоновича Кутузова-Смоленскаго. При Бородинѣ ему ядромъ оторвало лѣвую руку.

«Руки нѣтъ,—разсказывалъ онъ мнѣ,—а я все сижу верхомъ на своой лошади. Подъѣзжаю къ тому мѣсту, гдѣ доктора перевязывали раненыхъ.

---

[1]) Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ любимъ императоромъ Александромъ I, а при императорѣ Николаѣ I, сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей его царствованія. Ему принадлежалъ замокъ Фаль близъ г. Ревеля.

[2]) «Вы лысы, какъ папа, но какая разница! Вы прекрасны, а папа нехорошъ собой».

[3]) «Да здравствуетъ Александръ!
Да здравствуетъ царь царей!»

— «Господа!—говорю,—мнѣ руку оторвало; прошу васъ, перевяжите».

— «Некогда намъ, говорятъ, ступайте на перевязочный пунктъ.

«А я зналъ, перевязочный пунктъ за пять верстъ дальше. Дорогой я истекъ бы кровью.

— «Хорошо, говорю, поѣду. Но знайте, я — Бибиковъ, племянникъ и адъютантъ фельдмаршала.....

«Не успѣлъ я этихъ словъ договорить, какъ ужъ сняли меня съ лошади, мундиръ скинули.... Я лежалъ, и мнѣ руку рѣзали».

Сколько же несчастныхъ мучениковъ тогда остались безъ помощи и погибали отъ небрежности и жестокосердія своихъ же соотечественниковъ! Какъ не благословлять спасительное учрежденіе общества Краснаго Креста и достойныхъ, милосердыхъ его членовъ?

Дмитрій Гавриловичъ, замѣчательный красавецъ, женился на черноволосой, стройной красавицѣ Софьѣ Сергѣевнѣ, рожденной Кушниковой. Она была ему доброй женой, а вмѣстѣ и богатой наслѣдницей. Женившись, дядя, будучи генералъ-адъютантомъ при Николаѣ I, попреимуществу живалъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ имѣлъ свой великолѣпный домъ; исключеніемъ было только то время, когда онъ былъ генералъ-губернаторомъ кіевскимъ, волынскимъ и подольскимъ съ 1838 по 1842 г. Съ 1848 по 1858 г. былъ членомъ государственнаго совѣта, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ 1852 по 1855 г. Съ матушкой моей, а потому и съ нами, онъ и жена его всегда были въ родственныхъ отношеніяхъ. Въ доказательство приведу слѣдующій случай. По разнымъ обстоятельствамъ мнѣ надобно было розыскать одну молодую дѣвушку моихъ лѣтъ, которую никогда не видала, а знала только приблизительно ея года и крещеное имя, и что жила она въ какомъ-то городѣ, гдѣ много жидовъ. Я написала въ Кіевъ дядѣ Дмитрію Гавриловичу, прося его, не можетъ ли онъ, при такихъ ничтожныхъ данныхъ, розыскать вышеозначенную особу. Дядя поставилъ на ноги всю полицію, и я вскорѣ получила адресъ и письмо этой молодой женщины, чѣмъ и успокоила ея родственниковъ.

Въ Москвѣ дядя Дмитрій Гавриловичъ бывалъ очень рѣдко, но когда пріѣзжалъ, посѣщалъ меня. Когда въ 1858 году онъ заѣхалъ ко мнѣ, всѣ дѣти мои окружили его и съ благоговѣніемъ смотрѣли на его сѣдины, на красивыя черты его лица, на блестящіе большіе черные глаза подъ черными бровями и на «пустой» рукавъ его генеральскаго мундира.....

— Они на меня смотрятъ, какъ на какого Святослава, — засмѣялся дядя.

VII.

Мое воспитаніе.—Бонна М. А. Гейнцъ.—Мои братья.—Собака Жюль.—Любовь крѣпостныхъ къ моей матери.—Саввинъ монастырь.—Село Михайловское.—Помѣщикъ Ардальоновъ.—Картинная галлерея отца.—Князь Юсуповъ.—Сестра Лиза.—Система преподаванія моей матери.—Хозяйство и образъ жизни моихъ родителей.—Е. Е. Кашкина.—Любитель чая.—Тетушка Сумбулова.

17-го января 1814 года, по окончаніи войны, отецъ мой обвѣнчался съ матушкой Софьей Гавриловной Бибиковой, второй дочерью Гавріила Ильича: военную службу онъ продолжалъ, и будучи женатымъ.

Матушка схоронила двухъ старшихъ дочерей, Софью и Варвару, младенцами и горько ихъ оплакала. Когда, послѣ ихъ кончины, родилась я, 3-го октября 1817 года, то отецъ и мать горячо меня полюбили. Матушка, по слабости здоровья, не могла сама кормить, но ни минуты отъ меня не отлучалась. Сама брала меня на руки и подавала кормилицѣ, красивой, здоровой крестьянкѣ, Февроньѣ Васильевнѣ [1]), изъ Коломенскаго имѣнія Бибиковыхъ. Говорятъ, что я такъ привыкла получать пищу изъ рукъ матери, что, проголодавшись, всегда тянулась къ ней, а не къ кормилицѣ.

Матушка бросила всѣ великосвѣтскія знакомства, даже въ театръ перестала ѣздить и постоянно мной занималась. Когда я, ребенкомъ, бывала больна, говорятъ, отецъ по цѣлымъ часамъ нашивалъ меня на рукахъ по комнатамъ, а онъ до маленькихъ дѣтей вообще не былъ охотникомъ.

До двухъ лѣтъ ходила за мной кормилица, которую преобразовали въ няньку: она была такъ умна, что матушкѣ жаль было съ ней разстаться; только по просьбѣ ея мужа ее отпустили обратно въ деревню. Когда мнѣ минуло два года, матушка взяла мнѣ шестнадцатилѣтнюю бонну, нѣмку, Марью Андреевну Гейнцъ, которую тутъ же сама воспитала и руководила на каждомъ шагу, такъ что создала изъ нея такую гувернантку, лучше которой нельзя было желать. Вѣроятно, Марья Андреевна природой одарена была нравомъ кроткимъ и воспріимчивымъ: она прожила у насъ десять лѣтъ сряду. Съ ней я скоро выучилась говорить понѣмецки.

Братъ Александръ былъ моложе меня одиннадцатью мѣсяцами. Когда же мнѣ минуло четыре года, родилась сестра Елисавета. Взяли къ намъ англичанку. Англичанки у насъ мѣнялись; почему-то ма-

---

[1]) У меня уже были внуки, когда моя кормилица, все еще бодрой старухой, продолжала посѣщать меня въ селѣ нашемъ Никитскомъ. Мужъ и сыновья ея содержали постоялый дворъ въ Тамбовской губерніи. Они жили въ довольствѣ, богато. Объ одномъ жалѣла кормилица: у нея не было дочерей, поэтому она еще нѣжнѣе ко мнѣ ласкалась.

тушка была ими недовольна; но Марья Андреевна оставалась неизмѣнною. Мы ее очень любили.

Не помню, когда я начала говорить и читать пофранцузски: учила меня этому матушка, а она имѣла рѣдкую способность обучать дѣтей такъ, что ученье казалось имъ не ученьемъ, а забавой.

Къ стыду своему сознаюсь, что порусски я читала и говорила очень плохо. Въ домѣ у насъ и вообще во всѣхъ гостиныхъ говорили всѣ на иностранныхъ языкахъ; съ горничными же я никогда не бывала. Марья Андреевна порусски говорила очень плохо, и я не лучше ея.

Кромѣ сестры и брата Александра [1]), былъ у меня еще братъ Илья, шестью годами моложе меня. Братъ старшій, Александръ, воспитывался со мною; вмѣстѣ мы играли, вмѣстѣ учили уроки. Братъ учился математикѣ, латинскому языку, и я съ нимъ по собственной охотѣ всему этому училась. Бывало лѣтомъ, только взойдетъ солнце, мы уже на балконѣ, въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ, сидимъ или ходимъ, учимъ наизусть басни Федра.

Братъ Александръ былъ не по лѣтамъ ловокъ и силенъ. Бывало, лѣтъ осьми, посадитъ меня на одну руку, сестру Лизу на другую и бѣгаетъ съ нами по комнатѣ. Храбрость, ловкость и великодушіе были у него врожденными качествами.

Разсказывала матушка, какъ съ братомъ изучала русскую исторію: шла рѣчь о Димитріи Донскомъ, какъ во время нашествія татаръ на Москву Димитрій уѣхалъ во Владиміръ.

— Почему, думаешь ты, онъ уѣхалъ? — спросила матушка у брата.

Александръ покраснѣлъ, потомъ подошелъ поближе къ матери и, озираясь, не слышитъ ли кто его, шепотомъ сказалъ ей на ухо:

— Струсилъ.

Шли мы однажды съ матерью гулять: пришлось подъ вечеръ идти сплошнымъ, темнымъ лѣсомъ. Александръ, по восьмому году, поднялъ палку и, молча озираясь, пошелъ рядомъ съ нами. Когда мы вернулись домой, матушка обратилась къ мальчику.

— Зачѣмъ ты взялъ палку, когда мы шли лѣсомъ?—спросила она.

— Я думалъ,—отвѣтилъ онъ,—что, если волки или разбойники на васъ нападутъ, то я палкой ихъ прогоню.

Когда Александру было лѣтъ пять, онъ попросилъ позволенья поиграть отцовской саблей. Играетъ онъ ею довольно долго, потомъ кладетъ саблю на мѣсто и, молча, отправляется въ дѣтскую. Вдругъ матушка видитъ, что послѣ него по всему паркету гостиной остается кровавый слѣдъ. Она очень испугалась и побѣжала за ребенкомъ.

---

[1]) Онъ названъ былъ Александромъ въ честь крестнаго отца своего, императора Александра I.

Видитъ, у него палецъ на босой ногѣ разрубленъ, и кровь струей течетъ изъ свѣжей раны.

— Что съ твоей ногой?

— Ничего, мама.

— Какъ—ничего? палецъ разрубленъ!

Александръ вдругъ залился слезами.

— Мама, простите! Дайте мнѣ опять саблей играть!

Надо замѣтить, что братъ всегда и зиму и лѣто ходилъ босикомъ, даже лѣтомъ гулялъ по лѣсамъ и оврагамъ босой, какъ крестьянскій мальчикъ. Только, когда мы гуляли зимой въ городѣ, то ему надѣвали на босу ногу кожаные башмаки. Матушка его къ этому пріучила, чтобъ подкрѣпить его здоровье, которое, послѣ его рожденія, врачи объявили очень шаткимъ. Александръ въ отца былъ бѣлокуръ и глаза имѣлъ голубые, а сестра, братъ Илья и я были черноволосы въ матушку. Каждый вечеръ мылъ Александръ холодной водой свои красивыя, бѣлыя, безукоризненно-чистыя ноги и никогда не зябъ.

Когда у насъ всѣхъ была корь или скарлатина, то его не укладывали, какъ насъ, въ постель, а только обували и надѣвали поверхъ сорочки съ косымъ воротомъ суконную поддевку и сажали на диванъ, и онъ выздоравливалъ гораздо раньше насъ. Разъ только, лѣтъ четырнадцати, пролежалъ онъ съ недѣлю въ горячкѣ, и когда всталъ, то ни одно платье ему не годилось, онъ въ одну недѣлю выросъ почти на три вершка (фактъ).

Была у насъ прелестная, лягавая, коричневая собака: кличка ей была Jules (Жюль). Ее еще щенкомъ подарили отцу, и она выросла у насъ въ домѣ. Мы съ ней всегда играли; она намъ сопутствовала во всѣхъ нашихъ прогулкахъ по полямъ и лѣсамъ, никогда насъ не кусала, несмотря на то, что мы иногда порядкомъ ее мучили.

Когда мы, гуляя, запаздывали возвратомъ домой, и матушка безпокоилась, то люди ей говорили: «Не извольте безпокоиться, Жюль съ дѣтьми пошелъ». Онъ былъ самымъ вѣрнымъ нашимъ защитникомъ.

Но чужихъ Жюль не терпѣлъ и не подпускалъ къ дому. Стóило закричать: «чужой!» и онъ бросался, хваталъ всякаго за горло. За то всѣ его боялись.

Разъ, въ сумерки, десятилѣтній Александръ усѣлся на полъ въ темномъ углѣ дѣтской, гдѣ мы одни играли, а братъ Илья, большой шалунъ, держа Жюля за ошейникъ, указалъ ему на Александра и закричалъ: «чужой!» — собака кинулась съ лаемъ и, не узнавъ Александра, впилась въ него... Мы, дѣвочки, подняли крикъ. Сбѣжался весь домъ. Между тѣмъ Жюль, узнавъ свою ошибку, сконфуженный, поджавъ хвостъ, уже лежалъ у нашихъ ногъ. Всѣ перепугались.

— Жюль тебя укусилъ? — спросилъ отецъ у Александра.

— Нѣтъ, папа, не кусалъ,— говоритъ Александръ, а самъ прячетъ руку за спину.

— Поди сюда,— сказала матушка.

Ослушаться нельзя было. Братъ подошелъ.

— А это что?—продолжала матушка, увидавъ, что рукавъ на той рукѣ, что пряталась за спину, весь разорванъ.

— Это — ничего!

— Какъ ничего?

Матушка съ ужасомъ увидала, что изъ руки Александра, ниже локтя, былъ выкушенъ цѣлый кусокъ мяса! (рубецъ отъ этой раны у него остался навсегда).

— Что-жъ ты говоришь, что Жюль тебя не кусалъ?

Тутъ мальчикъ зарыдалъ.

— Вы его бить будете, этого бѣднаго Жюля!

Собаку заперли во флигелѣ. Она съ тоски ничего ѣсть не хотѣла, а на слѣдующій день вырвалась и прибѣжала къ намъ въ дѣтскую. Мы ей очень обрадовались, но люди, блѣдные, какъ полотно, сбѣжались, увѣряя, что собака взбѣсилась. Какъ ни приказывала имъ гувернантка взять ее обратно во флигель и тамъ запереть, никто не рѣшался къ ней подойти: отца же и матери не было дома, они куда-то уѣхали. Тогда шестилѣтняя сестра Лиза подошла къ Жюлю, надѣла ему на шею свой носовой платокъ и повела его сама черезъ весь дворъ во флигель, гдѣ люди, шедшіе за нѣсколько шаговъ позади ея, заперли собаку.

Въ сущности, Жюль вовсе не взбѣсился, но мы напрасно умоляли, чтобъ намъ его отдали; матушка боялась его опять пустить въ домъ, и, къ великому нашему горю, его кому-то подарили. Мы со слезами смотрѣли на него, когда его увозили, и казалось намъ, что и Жюль бросалъ на насъ отчаянные взгляды... Долго не могли мы простить брату Ильѣ потери нашего любимца.

Постоянное общество насъ, дѣвочекъ, развило въ Александрѣ добрый и уживчивый нравъ, а мнѣ братъ сообщилъ нравственное мужество и энергію, которыми природа меня не одарила.

Я слышала, какъ посторонніе выговаривали моей матери, почему она меня, дѣвочку, обучаетъ наукамъ, годнымъ только мужчинамъ. Это было въ двадцатыхъ годахъ нашего столѣтія, когда въ высшемъ кругу обучали только танцамъ, бряцанью на рояли и французской болтовнѣ. Но я уже говорила, что матушка опередила свой вѣкъ; она не смущалась чужими рѣчами и продолжала поступать по своимъ убѣжденіямъ. Вмѣстѣ съ научными занятіями насъ пріучали и къ рукодѣлью, шитью бѣлья, платьевъ и кройкѣ ихъ.

Матушка была не только высоко образованная женщина и чадолюбивая мать, но и милостива ко всѣмъ. Крестьяне ее обожали, и до сихъ поръ память о «матушкѣ нашей Софьѣ Гавриловнѣ» жи-

ветъ въ подмосковномъ селѣ Михайловскомъ [1]) и въ степномъ селѣ Сергіевскомъ [2]). Она лѣчила больныхъ очень успѣшно, перевязывала раны, присутствовала при опасныхъ родахъ крестьянскихъ бабъ, и вездѣ сопутствовали ей благословенія бѣдняковъ. Она и насъ пріучила видѣть въ крестьянахъ людей, а не машины для выколачиванія денегъ.

По зимамъ мы живали въ Москвѣ, гдѣ тогда отецъ служилъ, а лѣто проводили въ имѣніи матери, селѣ Михайловскомъ, куда отецъ пріѣзжалъ въ отпускъ.

Село Михайловское, въ 60 верстахъ отъ Москвы, Звенигородскаго уѣзда, Московской губерніи, лежитъ на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, въ 17 верстахъ отъ города Звенигорода, такъ названнаго, гласитъ преданіе, потому, что во времена татарскихъ и литовскихъ нашествій, когда къ Москвѣ приближались вражьи полчища, въ Звенигородѣ раздавался звонъ изъ всѣхъ колоколовъ, и на этотъ звонъ собиралась рать изъ всей окрестности для обороны столицы отъ приближающихся враговъ.

Близъ Звенигорода стоитъ Саввинъ монастырь, чтимый царями изъ рода Романовыхъ. За его стѣнами скрывались отъ стрѣльцовъ царица Наталья Кирилловна съ малолѣтнимъ Петромъ I. Звонъ громаднаго колокола, подареннаго Саввину монастырю царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, слышала я не разъ, гуляя ребенкомъ въ селѣ Михайловскомъ. Насъ, дѣтей, возили въ Саввинъ монастырь поклониться святымъ мощамъ [3]) преподобнаго Саввы, въ то время открытымъ. Какъ теперь, вижу блѣдный, заостренный носъ и тонкій профиль святого угодника Божія.

Село Михайловское, гласитъ старинная лѣтопись, было когда-то городомъ: видны еще мѣста, гдѣ стояли церкви, но остались лишь слѣды ихъ фундамента, а срытый въ два уступа холмъ былъ во время оно занятъ городскими укрѣпленіями. На верхней площадкѣ выстроенъ теперь большой каменный храмъ во имя Михаила Архангела: онъ окруженъ деревьями и виденъ за четырнадцать верстъ. На нижней площадкѣ стоялъ во времена моего дѣтства нашъ большой домъ, послѣ кончины моихъ родителей проданный на свозъ, а теперь выстроенъ небольшой домикъ моей дочери Александры: онъ окруженъ садомъ съ цвѣтниками.

Въ старой церкви села Михайловскаго находились два изваянія, грубо вытесанныя изъ дерева и такъ же грубо окрашенныя масляными красками, аршина въ полтора или немного болѣе вышины.

---

[1]) Михайловское принадлежитъ теперь моей дочери Александрѣ, и старушки крестьянки ей говаривали, когда она въ болѣзняхъ ихъ посѣщала: «Какъ ты, голубушка, похожа на нашу матушку Софью Гавриловну».

[2]) Село Сергіевское принадлежитъ сыну моего брата Ильи, Гавріилу Ильичу Бибикову.

[3]) Теперь эти мощи закрыты.

Одно изъ нихъ изображало св. Николая Чудотворца, съ митрой на головѣ, держащаго въ рукѣ мечъ; другое — св. Пятницу. Я, будучи ребенкомъ, видала, какъ, въ засуху, крестьяне носили крестнымъ ходомъ эти изваянія по полямъ и лугамъ, молясь о дождѣ. Теперь этого уже не дѣлаютъ.

Господинъ Ардальоновъ [1]), прежній помѣщикъ села Михайловскаго, возмущенный при видѣ этихъ безобразныхъ изваяній, стоявшихъ тогда въ самой церкви, и считая ихъ идолами, приказалъ ихъ изъ церкви взять и запереть къ себѣ въ подвалъ. Крестьяне сельскіе, тогда почти всѣ старовѣры, вознегодовали на своего помѣщика за такое оскорбленіе святыни, окружили домъ его съ зажженными факелами и грозили его сжечь вмѣстѣ съ бариномъ, если тотъ не отдастъ имъ обратно «боговъ» ихъ.

Ардальоновъ былъ принужденъ покориться: изваянія перешли опять изъ подвала въ церковь, но помѣщикъ въ этомъ имѣніи долѣе жить не захотѣлъ и тутъ же продалъ его матушкѣ.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому, я была у дочери, новая церковь строилась, а въ старой еще служили. Оба въ ней изваянія стояли въ трапезѣ, за стекломъ.

Въ этомъ-то прелестномъ Михайловскомъ протекли лучшіе, счастливѣйшіе дни моего дѣтства. Эти годы остались въ моей памяти ярко озаренными солнечными лучами и пропитанными ароматомъ лѣсныхъ и луговыхъ цвѣтовъ.

Какъ теперь, вижу выстроенный моимъ отцомъ высокій домъ изящной архитектуры съ мезониномъ и антресолями, окруженный высокими, огромными балконами, уставленными померанцевыми деревьями. На крышѣ дома, когда пріѣзжалъ отецъ, развѣвался большой флагъ съ Мальтійской звѣздой [2]): этотъ флагъ былъ виденъ верстъ за десять; домъ стоялъ на утесѣ, какъ на пьедесталѣ. Передъ самымъ домомъ холмъ кончался обрывомъ, устланнымъ дёрномъ, а у подошвы его стелются и теперь заливные луга, испещренные цвѣтами, а по нимъ, извизваясь голубой лентой, бѣжитъ Москва-рѣка. Сквозь воду ея, какъ хрусталь прозрачную, видно бѣлое песчаное дно, а въ водѣ играютъ на солнцѣ тысячи ершей и пискарей. Мы, дѣти, часто ходили удить рыбу, но я ни одной рыбы никогда не выудила, потому что, не слѣдуя примѣру товарищей, выбиравшихъ глубокія, темныя мѣста, садилась всегда на берегу у мелководія и въ прозрачной водѣ по цѣлымъ часамъ любовалась игрой тысячи разнородныхъ рыбокъ, блестящихъ чешуйками подъ лучами солнца; а удочка безъ дѣйствія лежала забытая около меня на травѣ.

---

[1]) У него матушка купила это имѣніе на свои приданыя деньги за 60.000 р. ассигнаціями. Тамъ было около 3.000 съ чѣмъ-то десятинъ земли и считалось 300 душъ крестьянъ. Тутъ были большіе лѣса и заливные луга.

[2]) Отецъ мой наслѣдовалъ отъ отца своего «Мальтійскій орденъ». Въ то время онъ былъ наслѣдственнымъ.

Съ высоты холма можно было окинуть взоромъ нѣсколько десятковъ верстъ, множество прибрежныхъ деревень, дальнихъ рощъ и лѣсочковъ. Пріѣзжіе гости, войдя со второго этажа на верхній балконъ, долго, бывало, не могли оторваться отъ этого очаровательнаго вида.

Мы же, дѣти, предпочитали большую, развѣсистую березу, росшую у самой террасы. Тутъ мы строили шалаши, готовили кушанье изъ мокраго песку и крошечной рѣпы.

Въ деревнѣ, да еще лѣтомъ, дѣтямъ—раздолье. Цвѣтовъ, ягодъ, грибовъ хоть прудъ пруди. Гулянье по лѣсамъ, купанье въ рѣкѣ, даже подъ палящими лучами солнца... но что дѣтямъ отъ солнца? Они крѣпнутъ отъ его лучей и не утомляются ими.

Ночевали мы, дѣвочки, въ большой высокой комнатѣ, рядомъ съ комнатой нашей гувернантки-нѣмки, Марьи Андреевны. Два большихъ нашихъ окна выходили на цвѣтникъ, что̀ намъ очень нравилось

Прелестное Михайловское и уроки моего друга и наставника въ русскомъ языкѣ, Василія Андреевича Зо̀лотова [1]), развили во мнѣ наслѣдованную мною отъ отца любовь къ природѣ и къ деревенской жизни. Я любила убѣгать отъ товарищей и одной уходить въ любимую рощицу изъ березъ и кленовъ, растущихъ надъ свѣтлымъ ручьемъ. Тутъ бросалась я на траву и, закинувъ руки за̀-голову, смотрѣла на синее небо и на зеленую, на немъ обрисованную, листву; смотрѣла, какъ бѣлыя облака будто гонимы этими, тихо колебленными вѣтромъ вѣтвями; будто вѣтви эти сметали ихъ съ небесной лазури... и я утопала въ этой ясной синевѣ, будто сливаясь съ ней...

Въ эти неизъяснимо-сладкія минуты я забывала все, и только голосъ Марьи Андреевны, меня ищущей, возвращалъ меня къ дѣйствительности...

Однажды, ночью, я проснулась отъ сильнаго громового удара. Вся комната освѣтилась молніею, и я, нимало не испугавшись, соскочила съ кровати и, вскарабкавшись на высокій подоконникъ, ухитрилась тихонько отворить окно и усѣлась на немъ, поджавши босыя ноги подъ длинную ночную рубашку. Долго я такъ сидѣла, любуясь раскатами грома и яркою молніею, которая, раздирая тучи, освѣщала на мигъ дальнія поля, лѣса̀, деревни, извилистую Москву-рѣку, цвѣтникъ подъ окнами, меня самоё, девятилѣтнюю дѣвочку, а потомъ угасала въ прозрачной темнотѣ благовонной іюньской ночи.

Большая картинная галлерея моего отца въ селѣ Михайловскомъ. доставляла мнѣ также немалое наслажденіе. Эта галлерея составляла часть дома; къ ней вела стеклянная дверь изъ кабинета моего отца

---

[1]) О В. А. Золотовѣ, о моихъ съ нимъ урокахъ и о вліяніи его на мое дѣтство, напечатана была особая моя статья въ «Русскомъ Архивѣ» въ I томѣ 1883 г. подъ заглавіемъ: «Въ память В. А. Зо̀лотова».

и она простиралась во всю ширину дома; освѣщали её съ двухъ концовъ по одному большому итальянскому окну. По срединѣ галлереи былъ каминъ и надъ нимъ бюстъ Аполлона. Длина ея была—двадцать четыре аршина (во всю ширину дома), ширина — двѣнадцать, вышина — девять. Эта галлерея украшена была картинами хорошихъ мастеровъ. Такъ какъ отецъ былъ страстнымъ охотникомъ, то бо́льшая часть картинъ представляла охоту за звѣрями.

Помню, какъ пріѣзжалъ къ намъ старый князь Юсуповъ, самъ любитель и знатокъ живописи, долго ходилъ по отцовской галлереѣ и хвалилъ его коллекцію.

Какъ ребенку, памятенъ былъ старый князь тѣмъ, что мнѣ странными показались его высокіе бархатные сапоги. Старый князь страдалъ подагрой.

Онъ особенно любовался четырьмя Шнейдерсами огромнаго размѣра: охотою за медвѣдями и охотою за оленемъ; обѣ картины въ натуральную величину. Другія двѣ представляли garde-manger; тутъ была битая дичь, фрукты и цвѣты. Въ одной изъ нихъ, въ правомъ углу снизу—голова собаки, тянувшейся къ дичи, а на лѣвомъ, сверху — бѣлокудрявый юноша, въ средневѣковомъ одѣяніи держащій на пальцѣ попугая. Эту фигуру приписывали кисти Рубенса, и дѣйствительно колоритъ ея напоминалъ этого знаменитаго художника [1]).

Была также большая, въ натуральную величину картина французской школы, художника Обри [2]), вѣроятно, портретъ. Во весь ростъ сидитъ старый охотникъ, отдыхая подъ деревомъ; онъ снялъ фуражку, и на высокомъ лбу, окаймленномъ рѣдкими, сѣдыми кудрями, выступилъ каплями потъ. Онъ держитъ ружье: при немъ вся охотничья амуниція; въ глазахъ сіяетъ радость успѣшной охоты. По обѣ стороны двѣ лягавыя собаки французской породы: изъ нихъ одна подаетъ ему во рту какую-то дичь. Эти собаки, вѣроятно, также портреты, потому что надъ одной большими золотыми буквами написано: «Lise», а надъ другой — «Fine Lise». Эту картину, позднѣе, продалъ отецъ Ивинскому за шестьсотъ рублей.

Двѣ картины Simon Chardin (Симонъ Шарденъ) помѣчены его именемъ и 1733 годомъ. Это два—pendants. На обѣихъ написана битая дичь, кремневыя ружья, рогъ и пейзажъ, а на первомъ планѣ по собакѣ въ натуральную величину; на одной—пудель, обнюхивающій дичь, а на другой—французская, лягавая собака, навострившая уши. Эти картины, обѣ трехъаршинной вышины, казались маленькими въ сравненіи со Шнейдерсами и другими историческими [3]).

---

[1]) Извѣстно, что Шнейдерсъ—ученикъ Рубенса: фигуръ онъ писать не умѣлъ а въ его картинахъ рисовалъ ихъ часто учитель его, Рубенсъ.

[2]) Aubry, peintre du roi (Смотри: Histoire des peintres).

[3]) Двухъ «Симонъ Шарденъ» отецъ подарилъ моему старшему сыну: онѣ находятся въ селѣ Никитскомъ, принадлежащемъ теперь моимъ внукамъ Раевскимъ.

Нѣкоторыя картины отецъ раздарилъ друзьямъ своимъ, а четырехъ Шнейдерсъ купилъ англичанинъ, пріѣхавшій въ Россію скупать картины этого мастера; отецъ продалъ ихъ за бездѣлицу, въ сравненіи съ ихъ стоимостью — за четыре тысячи рублей. Я плакала, когда увезли эти картины... Но мы тогда уже не жили въ Михайловскомъ, а переѣхали въ Рязанскую деревню, доставшуюся отцу по завѣщанію отъ мачихи. Въ этомъ имѣніи, селѣ Сергіевскомъ, домъ былъ маленькій; комнаты, сравнительно, низкія; картины тамъ помѣстить—немыслимо, а оставить ихъ въ нетопленной галлереѣ села Михайловскаго, подъ присмотромъ старосты-мужика, было тоже, что погубить ихъ. Мало ли что могло съ ними случиться?

Въ картинной галлереѣ мы, дѣти, игрывали въ ненастные дни, но туда часто убѣгала я одна и цѣлые часы проводила, стоя передъ картиной Шнейдерса или Симона Шардена. Одно обстоятельство мнѣ памятно. Въ галлереѣ не было паркета, какъ въ остальныхъ комнатахъ; полъ былъ выкрашенъ и довольно неудачно. Забывшись передъ картиной, я уже не могла сдвинуть ногъ, прилипшихъ къ полу. Я разулась и съ хохотомъ убѣжала, оставивъ башмаки приклеенными къ полу. Впослѣдствіи исправили это неудобство.

Но краше всего въ Михайловскомъ и лучшей моей радостью была моя маленькая сестра Лиза. Да и трудно было бы найти существо болѣе милое, плутоватое, болѣе вызывающее любовь и баловство. И въ томъ и въ другомъ недостатка не было. Уроковъ она еще не брала, но подружилась со всѣми моими учителями. Когда она кокетливо подносила конфеты учителю музыки, онъ, угрюмый нѣмецъ, улыбался и, не сводя съ нея глазъ, благодарилъ ее и качалъ головой.

— Сколько несчастныхъ,—говорилъ онъ,—погубятъ эти черные глаза и кудрявые волосы!

И въ самомъ дѣлѣ подобныхъ глазъ и не было и не будетъ: сколько въ нихъ было плутовства, нѣтъ, точнѣе, шаловливости (espiéglerie) и миловиднаго наивнаго кокетства, сколько страсти въ маленькомъ носикѣ съ подвижными, раздувающимися ноздрями, сколько ума и граціи въ улыбкѣ пурпуровыхъ губъ этого крошечнаго ротика! Позднѣе, наша наставница, Александра Васильевна Сахарова, признавалась, что сердилась на мою, признаться, часто лѣнивую сестричку только до тѣхъ поръ, пока та сидѣла, опустивъ глаза въ книгу.

— Стоитъ Лизѣ на меня поднять свои влажные съ длинными рѣсницами глаза,—говорила она,—какъ весь гнѣвъ мой немедля исчезаетъ.

Я же не понимала, чтобъ можно было сестрѣ въ чемъ либо отказать. Будучи старше ея четырьмя годами, я питала къ ней чув-

ство, болѣе похожее на любовь матери, чѣмъ сестры, и это чувство сохранилось и тогда, когда разница лѣтъ съ годами изгладилась.

Матушка намъ давала уроки Закона Божія и французскаго языка. Систему обученія она выработала себѣ сама, давая уроки братьямъ своимъ и сестрамъ, и этой, ей только принадлежащей, системой опередила свой вѣкъ. Книгъ-учебниковъ она намъ въ руки не давала, наизусть, кромѣ текстовъ катехизиса или стихотвореній, мы ничего не учили.

Французскому языку матушка обучала практикой, т. е. диктовкой, изложеніями; тутъ же устно толковала она правила этимологіи, правописанія, синтаксиса. Такимъ способомъ обучила она много молодежи, братьевъ, сестеръ, дѣтей своихъ и чужихъ, и всѣ ученики ея основательно усвоили себѣ все то, чему у нея выучились въ сравнительно скорое время.

На обученіе дѣтей были у нея прирожденныя умѣнье и способность. Къ тому же матушка, привыкнувъ съ молодыхъ лѣтъ заниматься дѣтьми, однимъ взглядомъ читала на лицѣ ихъ мысли ихъ и желанія, такъ что мои дѣти, удивленныя ея проницательностью, считали ее за святую и, конечно, безпрекословно ей повиновались. Въ свободное время матушка круглый годъ много читала, всего болѣе историческихъ, философскихъ книгъ, изъ литературы же только выдающихся писателей. Пустыхъ романовъ я у нея въ рукахъ никогда не видала. Изъ прочитаннаго она намъ часто разсказывала или прочитывала то, что могло насъ интересовать.

Отецъ въ шутку намъ говаривалъ: «O! maman sait tout et encore quelque chose» [1]).

Собственно дѣтскихъ книгъ въ двадцатыхъ годахъ не имѣлось не только на русскомъ, но даже и на французскомъ языкѣ. Paul et Virginie, Gumal et Lina, скучнѣйшій Berquin, les veillées du Château [2]) скоро были исчерпаны. Волшебныхъ сказокъ намъ не давали читать; матушка считала ихъ вредной пищей для ума.

«Павелъ и Виргинія» Бернардена, собственно говоря, нельзя назвать дѣтской книгой, но изъ всѣхъ прочихъ она намъ болѣе нравилась. Русскихъ же книгъ для дѣтей въ то время вовсе не было. Поневолѣ просиживала я, лѣтъ десяти, по цѣлымъ часамъ гдѣ нибудь въ углу, глотая отъ доски до доски трагедіи Расина, Корнеля, Вольтера и тѣ изъ комедій Мольера, которыя мнѣ дозволяли читать. Но и тутъ встрѣчались выраженія вовсе не дѣтскія и даже далеко неприличныя. За истолкованіемъ непонятыхъ мною словъ я приходила къ матушкѣ и, вѣроятно, очень затрудняла ее своими вопросами.

---

[1]) О! мама знаетъ все и еще кой-что въ придачу.

[2]) «Павелъ и Виргинія», Бернардена, «Гюмаль и Лина», Беркена, Вечера въ Замкѣ.

Матушка не была хозяйкой, если взять это слово въ принятомъ обыкновенно его значеніи. Она не бѣгала, гремя ключами, по всему дому, никогда не бранилась съ прислугой, не утопала по колѣна въ грязи скотныхъ дворовъ, но, по-моему, ея хозяйство было самое раціональное. Она соразмѣряла расходъ съ приходомъ. Никогда не слыхала я, чтобъ родители мои жаловались на безденежье, никогда не было у нихъ ни копейки долга; напротивъ они всегда помогали нуждающимся и роднымъ и чужимъ; а богатыми ихъ назвать нельзя было, особенно до полученія отцемъ въ наслѣдство села Сергіевскаго и устройства въ немъ правильнаго хозяйства [1]).

Имѣнія ихъ никогда не были заложены, и при жизни они каждаго изъ насъ надѣлили поровну очень хорошимъ имѣніемъ въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, а матушка, по завѣщанію, оставила намъ село Михайловское.

Домъ, въ которомъ мы живали въ деревнѣ, и тотъ, что нанимали въ городѣ, были всегда помѣстительные, опрятно и въ порядкѣ содержавшіеся, но безъ всякой излишней роскоши. Обѣдъ всегда сытный, вкусно изготовленный, но неприхотливый; дорогихъ винъ и ликеровъ не подавалось. Ни прислуга, ни жившіе въ домѣ (а у насъ постоянно бывали бѣдные приживальщики), ни мы, дѣти, ни въ чемъ не нуждались. Платья наши, а особенно бѣлье, всегда были безукоризненно чисты. Бѣлье мѣняли два раза въ сутки, утромъ и вечеромъ: ночныя сорочки шились съ высокимъ закрытымъ воротомъ и очень длинныя. Эта мода (chemises fermées) вошла во всеобщее употребленіе только лѣтъ тридцать спустя.

Учителей намъ брали всегда лучшихъ въ Москвѣ, т. е. вмѣстѣ и самыхъ дорогихъ. Матушка говорила, что именно для перваго основанія науки и искусства необходимо имѣть умѣлаго, правильнаго руководителя.

Для себя собственно матушка очень мало тратила, одѣваясь замѣчательно просто; платья носила дешевыя, но всегда опрятныя и со вкусомъ сшитыя; причесана и одѣта была съ самаго утра.

Званыхъ обѣдовъ, вечеровъ и баловъ у насъ никогда не бывало; никуда матушка не выѣзжала, даже въ театрѣ не бывала. Въ концерты матушка стала меня возить, только когда мнѣ минуло пятнадцать лѣтъ, и я много занималась музыкой.

Мы, дѣти, вставали рано, часовъ въ пять утра, и ложились въ семь по полудни. Когда насъ уложатъ спать зимой, въ Москвѣ, матушка выѣзжала, т. е. черезъ день проводила ранній вечеръ то у своей матери, то у искренняго друга своего, Елисаветы Евгеніевны Кашкиной. Е. Е. Кашкина была однихъ лѣтъ съ матушкой, замѣчательно умная, остроумная и веселая личность. Она съ са-

---

[1]) Картины отецъ купилъ, продавъ дорогое оружіе, подарки шаха Персидскаго, а матушка отдала на эту его охоту брилліанты, полученные ею въ приданое.

мыхъ молодыхъ лѣтъ связана была съ матушкой самой тѣсной дружбой. Хотя обладала очень хорошимъ, независимымъ состояніемъ, замужъ не вышла, потому что осталась вѣрна до гроба памяти любимаго ею жениха, убитаго на войнѣ 1812-го года. Всю жизнь посвятила она воспитанію племянницы, дочери брата своего, сиротѣ, которую страстно любила. Племянница Варенька и матушка моя были единственными предметами ея привязанности. Она была крестной матерью моей сестры, которая въ честь ея и названа Елисаветой.

Елисавету Евгеніевну мы, дѣти, очень любили. Ея живой, веселый нравъ былъ совершенно противоположенъ сдержанному и спокойному характеру нашей матери; на этомъ, повидимому, противорѣчіи и основана была ихъ неизмѣнная дружба. Бывало, только войдетъ къ намъ въ домъ Елисавета Евгеніевна, какъ ужъ изъ передней раздается ея звонкій, веселый голосъ, и мы всѣ бѣжимъ къ ней на встрѣчу.

Я уже сказала, что матушка, какъ говорится, всегда сводила концы съ концами. Въ двадцатыхъ годахъ сельское хозяйство было не такъ сложно, какъ оно стало теперь со времени освобожденія крестьянъ. Отецъ, почти всегда занятый службой, хозяйствомъ мало занимался. Матушка, соединяя благоразумную экономію со врожденной гуманностью, вела отлично всѣ дѣла.

Помню, какъ въ голодный 1830—1831 годъ мы въ городъ не ѣздили, зимовали въ деревнѣ, въ селѣ Сергіевскомъ, хлѣба продали самую малость. Зато каждое первое число каждаго мѣсяца я видѣла, какъ мимо нашихъ оконъ проѣзжали наши крестьяне въ саняхъ, а позднѣе на телѣгахъ и, весело съ нами раскланиваясь, подъѣзжали къ господской житницѣ, гдѣ отсыпали для семей ихъ даровое продовольствіе мукой и крупой на весь слѣдующій мѣсяцъ. То же самое повторилось и въ 1840 году и у мужа моего и у родителей моихъ. Не даромъ же ихъ крестьяне такъ жалѣютъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права.

«Тогда,—говорятъ они,—мы жили, какъ у Христа за пазушкой [1]).

---

[1]) Особенно видѣли они эту разницу въ 1891—1892 году. Такого голода, какой мы тогда терпѣли, я еще не видала, хотя пережила на своемъ вѣку два голода. Земская и государственная помощь были недостаточны, и если бы не даровыя столовыя, открытыя графомъ Львомъ Николаевичемъ Толстымъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Епифанскаго, Ефремовскаго и Данковскаго уѣзда, много народа померло бы съ голода. Не считая той же благотворительной дѣятельности сыновей графа въ другихъ мѣстностяхъ, но въ названныхъ выше уѣздахъ Левъ Николаевичъ въ продолженіе года прокормилъ болѣе 20.000 человѣкъ.

Мы, терпѣвшіе сряду два неурожайные 1890 и 1891 годы, въ которые не продали ни зерна хлѣба, не только не были въ состояніи раздавать его нуждающимся, но еле обсѣменили свои поля и принуждены были (въ первый разъ въ моей жизни) въ деревнѣ покупать по 1 р. 15 к. за пудъ слежавшуюся, затхлую ржаную муку, которую мѣшали пополамъ съ картофелемъ и пекли изъ этой смѣси

Отецъ любилъ хорошихъ лошадей, у него былъ свой небольшой заводъ. Былъ у него и красивый скотъ тирольской породы. Рослые, добрые кони своего завода легко везли приличные наши экипажи. Все было въ порядкѣ—и дѣла и обстановка, но роскоши не было, и ни за кѣмъ мы не тянулись. Если тратить только на одно полезное, не увлекаясь тщеславіемъ, то и съ небольшимъ достаткомъ можно жить, не терпя нужды и не жалуясь на судьбу. Если же допустить безсмысленныя прихоти, то безумнымъ желаніямъ не будетъ границъ.

Матушка, отказавшись отъ общества ради нашего воспитанія, вѣроятно, принесла большую жертву, о которой она впрочемъ никогда не жалѣла. Создана она была для общества, въ которомъ всегда могла блистать смолоду красотой, а до старости умомъ, образованіемъ и замѣчательнымъ умѣньемъ владѣть разговорнымъ языкомъ (esprit de conversation).

— Quand on cause avec madame Bibicoff,—говаривали мнѣ молодые люди, когда матушкѣ было за шестьдесятъ лѣтъ,—on oublie ses cheveux blancs pour ne se souvenir que de ses yeux noirs [1]).

Въ ея гостиной всякій себя чувствовалъ «à son aise» [2]), и всѣмъ было весело, несмотря на то, что у нея всегда соблюдалось строгое приличіе.

«Послѣ моего замужества», разсказывала намъ мать, «къ намъ часто ѣзжали товарищи моего мужа, военные; я считала долгомъ принимать ихъ любезно и всегда имъ сама въ гостиной чай разливала, но эти господа отучили меня отъ этого занятія. Однажды, пріѣхалъ одинъ изъ кавказскихъ сослуживцевъ вашего отца. Я невзначай спросила его: любитъ ли онъ чай? сколько чашекъ пьетъ его?

— «Двѣнадцать стакановъ съ ромомъ и двѣнадцать безъ рома,— отвѣчалъ онъ.

«Съ этого дня я самоваръ сослала въ буфетъ».

Каждое воскресенье ходили мы къ обѣднѣ съ матушкой, а, возвратясь отъ обѣдни, она насъ усаживала около себя и читала намъ вслухъ главу изъ Евангелія или изъ «Imitation de Jésus-Christ» [3]). Сознаюсь, что и Евангеліе и Библію мы читали пофранцузски, хотя воспитывались въ православіи.

хлѣбъ, который ѣли мы, взрослые, и дѣти, и прислуга наша за обѣдомъ и даже съ чаемъ. Старыя наши крестьянки, помнившія 1840 годъ, говорили мнѣ:

«Тогда вы, господа, не только насъ кормили, но и скотину нашу; посыпку ей давали, вся цѣла осталась, а теперь мужики и лошадей, и коровъ, и овецъ распродали, ни молока нѣтъ ребятамъ, да не на чемъ пахать будетъ. Что говорить? тогда голодный годъ безъ нужды прожили».

[1]) «Когда разговариваешь съ госпожею Бибиковой, то забываешь о ея бѣлыхъ волосахъ, а помнишь только ея черные глаза».

[2]) «Привольно, не стѣсненнымъ».

[3]) «Подражаніе Христу».

Каждый день, а попреимуществу въ воскресенье, къ матушкѣ приходили изъ своей и изъ сосѣднихъ деревень больные крестьяне и крестьянки, которыхъ она самыми простыми средствами лѣчила очень успѣшно по лѣчебникамъ Гуфеланда и Каменецкаго.

Прибавлю здѣсь одну весьма странную особенность матери моей. Вотъ что она сама намъ разсказала.

«Когда я была еще молодой дѣвушкой, у меня была тетушка, сестра моей матери, г-жа Сумбулова; дѣтей у нея не было. Меня она любила болѣе всѣхъ своихъ племянницъ, и я также къ ней очень привязалась. При послѣдней ея болѣзни я за ней постоянно ходила. Однажды, она очень ослабла, и такъ какъ я сидѣла у ея изголовья, она положила голову на мое плечо и долго такъ отдыхала. Я боялась пошевельнуться, чтобъ ея не безпокоить. Но вдругъ она подняла голову и переложила ее на подушку... и тутъ же скончалась. Точно не хотѣла она оставить мнѣ непріятнаго чувства держать на плечѣ холодѣвшій трупъ ея... Это меня до слезъ тронуло, этой минуты забыть не могу.

«Но вообразите себѣ, что съ тѣхъ поръ, какое бы несчастіе ни приключилось въ моей семьѣ, тетушка Сумбулова является ко мнѣ во снѣ и предсказываетъ мнѣ то, что должно случиться. Это ужасно! Я такъ любила тетушку, а съ тѣхъ поръ всякій разъ пугаюсь, когда ее вижу во снѣ».

И точно, матушка, бывало проснувшись, намъ скажетъ:

«Я опять видѣла во снѣ тетушку Сумбулову. Она сказала мнѣ, что вашъ отецъ будетъ опасно боленъ».

Или: «умретъ родственникъ черноволосый, высокаго роста».

Или: «умретъ молодой, бѣлокурый».

Или: «умретъ такая-то родственница» и т. д.

И всегда вскорѣ случалось то, что она говорила. Такимъ образомъ матушка предсказала, что она въ послѣдній разъ въ селѣ Сергіевскомъ и болѣе туда не вернется, хотя, живя по зимамъ въ Москвѣ, она привыкла каждое лѣто съ батюшкой туда пріѣзжать; впередъ сказала матушка, сколько лѣтъ ей осталось жить, и проч.

«Передъ смертью вашей сестры Вѣры, скончавшейся младенцемъ [1]),—разсказывала матушка,—тетушка Сумбулова явилась мнѣ во снѣ и сказала:

— «Теперь предстоитъ тебѣ такое горе, что ты его не переживешь.

«И стала тащить меня въ открытую могилу. Но я отъ нея вырвалась и—проснулась».

Какая-то благочестивая душа посовѣтовала матушкѣ отслужить по теткѣ панихиду; она велѣла ихъ отслужить нѣсколько, и какъ бы странно это ни показалось, но съ тѣхъ поръ тетка перестала ей являться.

---

[1]) Вѣра была на два года моложе меня; матушка сама ее кормила; она прожила только десять мѣсяцевъ: я едва ее помню.

VIII.

Поѣздка на маневры въ Вязьму. — Императоръ Николай I. — Великій князь Михаилъ Павловичъ. — Лейбъ-медикъ Вилье. — Поѣздка въ Нижній Новгородъ. — Муромскіе лѣса. — Макарьевская ярмарка. — Обѣдъ у губернатора. — А. П. Поповъ.

Батюшка занималъ на государственной службѣ довольно важное мѣсто. Онъ часто ѣзжалъ по какимъ-то ревизіямъ. Матушка, горячо его любившая, иногда сопровождала его, брала и насъ, дѣвочекъ, съ собой. Такимъ образомъ ѣздили мы на маневры, бывшіе близъ города Вязьмы [1]) въ началѣ царствованія императора Николая I Павловича (должно быть, весною въ 1827 году). Отецъ былъ туда временно откомандированъ.

Мы, обѣ дѣвочки, съ матушкой и другими дамами дожидались въ соборѣ города Вязьмы, куда долженъ былъ прямо пріѣхать государь. Мнѣ было лѣтъ восемь, сестрѣ—четыре года.

Насъ двухъ поставили впереди всѣхъ на красное сукно, гдѣ стоялъ молодой царь. Великій князь Михаилъ Павловичъ, генералъ Дибичъ и прочіе изъ свиты государя стояли позади насъ. Мы же съ сестрой стояли такъ близко отъ царя, что могли уловить движеніе каждой его черты, слышать каждое его слово. Николай I былъ тогда во всей красѣ молодости и величія. Особенно поразили меня его чудные, сѣрые глаза, какъ сталь холодные и какъ сталь блестящіе. Увидавъ ихъ разъ, забыть ихъ было невозможно.

Когда подали царю просфору, онъ взялъ ее и окликнулъ стоящаго позади генерала Дибича: тотъ поспѣшно, маленькими шажками, подошелъ и съ поклономъ принялъ изъ рукъ его просфору. Боже мой! какъ мизеренъ и гадокъ показался мнѣ маленькій, толстый, неуклюжій Дибичъ рядомъ съ величественнымъ красавцемъ Николаемъ I!

«Тотчасъ видно, что царь!» — подумала я своимъ дѣтскимъ умишкомъ.

Мой дядя, Илья Гавриловичъ Бибиковъ, любимый братъ моей матери, адъютантомъ сопровождалъ великаго князя Михаила Павловича, который его очень любилъ. Возвращаясь вмѣстѣ изъ собора, великій князь у него спросилъ:

— Какія это хорошенькія дѣвочки стояли въ соборѣ возлѣ насъ?

— Неужели, ваше высочество, вы не узнали моей крови? Это мои племянницы, Бибиковы.

Съ тѣхъ поръ, когда мы гуляли по улицамъ Вязьмы и встрѣчали государя и великаго князя Михаила Павловича, что̀ случалось иногда по пяти разъ въ день, потому что городъ былъ небольшой, уѣздный, то и государь и великій князь усердно съ нами раскла-

---

[1]) Вязьма, уѣздный городъ Смоленской губерніи, славится своими пряниками.

нивались къ неописанному восторгу нашей гувернантки, глупѣйшей майорши-нѣмки, которую матушка должна была взять съ собой, боясь ей поручить безъ себя двухъ моихъ братьевъ: съ ними оставила она вѣрную и заботливую Марью Андреевну.

Чтобъ отвести отцу моему въ Вязьмѣ, по возможности, удобную казенную квартиру, выпроводили какое-то судебное присутствіе и наскоро выбѣлили стѣны, но потолковъ выбѣлить не успѣли, такъ что на потолкахъ осталось безчисленное множество чернильныхъ пятенъ всякаго размѣра; всѣ потолки были ими испещрены.

Съ утра до вечера была наша квартира полна военными всѣхъ чиновъ, начиная съ начальниковъ, украшенныхъ всевозможными лентами и звѣздами, до молодыхъ офицеровъ, которые ждали въ прихожей, стоя или сидя на подоконникахъ, потому что въ городкѣ, биткомъ набитомъ всѣмъ генеральнымъ штабомъ, иностранными принцами и прочими крупными военными чинами, мебели съ трудомъ намъ доставили на гостиную, а на переднюю достать не могли.

Въ Вязьмѣ обѣдалъ у насъ однажды графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, а въ другой разъ Вилье, англичанинъ, государевъ лейбъ-медикъ, присутствовавшій при послѣднихъ часахъ покойнаго императора Александра I въ Таганрогѣ. Это послѣднее посѣщеніе осталось у меня въ памяти, потому что я замѣтила, что у Вилье отрубленъ былъ на рукѣ палецъ. Отецъ мнѣ позднѣе разсказалъ, что, при анатомированіи трупа, Вилье, будучи еще студентомъ, порѣзалъ палецъ скальпелемъ, зараженнымъ гнилью этого трупа, и тутъ же, не медля ни минуты, другимъ инструментомъ отсѣкъ себѣ зараженный палецъ. Энергія и хладнокровіе спасли ему жизнь [1]).

Скучно намъ съ сестрой было въ Вязьмѣ. Мы привыкли безотлучно быть съ матерью, а тутъ свѣтскія обязанности отвлекали ее отъ насъ на весь день. Привыкли мы въ красные дни лѣтніе гулять по лѣсамъ и лугамъ Михайловскаго, набирать цвѣты, землянику, грибы, которыхъ тамъ изобиліе, а тутъ принуждены были сидѣть съ глупой нѣмкой въ душной комнатѣ или гулять съ ней по пыльному, грязному городу. Даже видъ маневровъ и вкусные вяземскіе пряники насъ не утѣшали.

Государь пріѣхалъ такъ быстро, что экипажи и лошади его отстали, а городъ Вязьма въ то время былъ такъ малолюденъ и плохъ,

---

[1]) Вилье, по духовному завѣщанію, оставилъ все свое имущество, девять милліоновъ, городу С.-Петербургу съ тѣмъ условіемъ, чтобъ на эти деньги выстроили въ немъ медико-хирургическую академію, что и было исполнено по волѣ завѣщателя. «Англіи, писалъ онъ въ своемъ завѣщаніи, я ничѣмъ не обязанъ, хотя она и считается моимъ отечествомъ. Всю жизнь провелъ я въ Россіи, ей обязанъ я своимъ знаніемъ, образованіемъ, имуществомъ: ей же хочу его посвятить. Желаю, чтобы то, что наукой пріобрѣлъ, послужило и въ пользу наукѣ, то-есть, медицинѣ и хирургіи; и пошло бы въ пользу русскимъ».

что нигдѣ не могли царю достать приличнаго экипажа. Тогда взяли для государевыхъ разъѣздовъ нашу коляску и четверню гнѣдыхъ нашего завода вмѣстѣ съ кучеромъ нашимъ, величавымъ и красивымъ Ильей Васильевичемъ, который цѣлый день возилъ государя [1]); за этотъ день службы онъ получилъ награды отъ царя сто рублей. Но дороже всего было то, что во всю жизнь онъ могъ хвастаться передъ другими кучерами:

— Вы—что? Я-то на своей четвернѣ царя возилъ [2])!

Въ Нижній Новгородъ посланъ былъ мой отецъ ревизоромъ во время ярмарки, тогда еще носившей имя Макарьевской. Туда также сопутствовали ему матушка, сестра и я; на этотъ разъ и Марья Андреевна была съ нами.

Ѣхали мы: отецъ съ матушкой въ коляскѣ; мы, дѣти, гувернантка, горничная и секретарь отца, Петръ Павловичъ Поповъ,—въ каретѣ; на козлахъ помѣщался лакей, рядомъ съ ямщикомъ.

Отецъ взялъ съ собой свою лягавую собаку, которую ночью сажалъ къ себѣ въ коляску, но днемъ она все время, безъ устали, бѣжала рядомъ съ экипажемъ, что́ меня немало удивляло.

Ѣхали мы до Нижняго, четыреста верстъ, на почтовыхъ, двое сутокъ, день и ночь безостановочно. Пришлось нѣсколько станцій сряду ѣхать сплошными тогда, дремучими Муромскими лѣсами. На каждыхъ трехъ верстахъ стоялъ пикетъ казаковъ, которые ночью разводили огонь въ кострахъ. Лѣса были не безопасны. Я про то слышала, и мнѣ разъ показалось, что на деревѣ виситъ отрубленная блѣдная человѣческая голова. Но я никому дорогой объ этомъ не сказала ни слова; только пріѣхавъ на станцію, сообщила это матери. Конечно, надо мной посмѣялись. Впрочемъ, матушка гораздо позднѣе мнѣ разсказала, что ночью, во время нашего путешествія, попался имъ въ коляску ямщикъ очень подозрительный.

«Вижу,—разсказывала мать,—что ночью въ лѣсу, проѣхавъ съ версту послѣ казачьяго пикета, нашъ ямщикъ задерживаетъ лошадей и все на насъ оглядывается: спимъ ли мы или нѣтъ? Отецъ вашъ спалъ крѣпкимъ сномъ, а я заснуть не могла, но притворилась спящей, глаза почти закрыла, но изъ-подъ рѣсницъ наблюдала за ямщикомъ. Обернувшись еще разъ, онъ остановилъ лошадей, сошелъ съ козелъ и, будто поправляя сбрую у пристяжной, затянулъ пѣсню съ припѣвомъ:

«Пора! пора! время настало! приходите!»

---

[1]) Пока не прибыли экипажи изъ Москвы.

[2]) Это тотъ же кучеръ-охотникъ Илья Васильевъ, о которомъ я говорила въ первой главѣ, гдѣ упоминается охота въ киргизскихъ степяхъ.

«Я тотчасъ разбудила вашего отца, шепнувъ ему по-французски, въ чемъ дѣло. Онъ крикнулъ на ямщика и показалъ ему пистолетъ, съ которымъ въ дорогѣ не разставался. Тутъ же закричалъ каретѣ, чтобъ она отъ насъ не отставала, и оба экипажа понеслись дальше».

Въ Нижнемъ Новгородѣ намъ отвели большой домъ по сю сторону Волги, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженяхъ отъ зданій ярмарки. Тутъ прожили мы нѣсколько недѣль; намъ было очень весело. Августъ мѣсяцъ былъ теплый, погода чудная. Мы весь день гуляли; ходили по ярмаркѣ, гдѣ насъ занимали пестрота и разнообразіе встрѣчающихся намъ восточныхъ нарядовъ. Тутъ были китайцы съ узкими глазами, длинными, черными усами и золотомъ шитыми халатами; персіяне въ длинныхъ платьяхъ изъ пунцовыхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ шалей, и татары, и киргизы. Чего тамъ не было? Смотримъ—у насъ на дворѣ татаринъ садится на землю, поджавши ноги, другой ложится около него; сидячій беретъ голову лежащаго, прижимаетъ ее между колѣнъ и—въ рукахъ его блеснуло лезвее... Что такое, Боже мой? Мы чуть не вскрикнули... То была бритва! И въ одну минуту голова лежащаго обнажилась—она была выбрита догола.

А тутъ, передъ окнами, на улицѣ, турокъ разостлалъ свой коврикъ и творитъ молитву, не развлекаясь ни нами, на него смотрящими, ни прохожими, передъ нимъ останавливающимися. И все это на воздухѣ, подъ открытымъ небомъ, среди бѣлаго дня.

Удивляли насъ цѣлыя горы наложенныхъ другъ на друга чайныхъ цибиковъ, любовались соборомъ, тогда стоявшимъ на площади, посреди ярмарки; напротивъ него была мечеть, а по угламъ площади—четыре каменныхъ павильона въ китайскомъ вкусѣ. Эти павильоны служили складомъ для товаровъ богатыхъ негоціантовъ. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ тогда суконному фабриканту, г-ну Кожевникову [1]). Онъ водилъ насъ въ свой павильонъ, который ничѣмъ не былъ перегороженъ, но до верху заваленъ цѣльными кусками сукна. Сколько ихъ тамъ было?—въ тогдашніе мои годы врядъ ли я ихъ и счесть могла.

Окна нашей квартиры обращены были къ рѣкѣ; изъ нихъ мы любовались чуднымъ видомъ. Противъ насъ, по ту сторону рѣки, на горѣ и по уступамъ ея подымался Нижній Новгородъ, увѣнчанный крѣпостными стѣнами съ ихъ башнями. Въ крѣпости и по всему городу высились колокольни церквей, съ позолоченными куполами, а по правую сторону, на высокомъ холмѣ,—монастырь съ каменною оградой. У подошвы горы сливалась Волга съ Окою; издали виднѣлась голубая полоска воды, а ближе—цѣлый лѣсъ мачтъ,

---

[1]) И. П. Кожевниковъ кончилъ банкротствомъ и впалъ въ нищету. Но тогда онъ былъ милліонеромъ.

цѣлый городъ судовъ. Итакъ, были тутъ три города: одинъ — древній, на горѣ, со шпилями своихъ церквей; второй—на плоскомъ противоположномъ берегу—зданія ярмарки и цѣлый кварталъ домовъ для служащихъ при ней и пріѣзжихъ гостей; третій—не менѣе людный, на водѣ, съ вѣчно движущимися лодками и судами.

Древній и новый городъ, т.-е. безконечные ряды магазиновъ и проч., соединялся деревяннымъ, пловучимъ мостомъ, до того длиннымъ, что требовалось болѣе четверти часа, чтобъ въ экипажѣ шагомъ по немъ переѣхать. Середина его разбиралась, чтобъ дать проходъ баркамъ и судамъ.

Ходили мы часто къ рѣкѣ, чтобъ поближе посмотрѣть на эти невиданныя нами дотолѣ суда; любовались, какъ крохотныя лодки, съ однимъ или двумя гребцами, ловко вертѣлись и какъ будто ныряли около огромныхъ баркасовъ. Все это намъ было ново, все занимало и оставалось въ памяти.

Губернаторъ, Храповицкій, далъ отцу парадный обѣдъ, куда взяли и насъ. Храповицкій насъ встрѣтилъ у крыльца, высадилъ матушку и меня изъ кареты, а четырехлѣтнюю сестру Лизу взялъ на руки и понесъ на верхъ по высокой, парадной лѣстницѣ губернаторскаго дома.

Длинный столъ былъ накрытъ въ огромной залѣ. Усадивъ Лизу возлѣ себя, хозяинъ, во время обѣда, ее всѣмъ потчевалъ, и она, прелестная, черноглазая вострушка, была этимъ очень довольна, вовсе не конфузилась и угощалась на славу [1]).

Тутъ же, въ Нижнемъ Новгородѣ, познакомились мы съ родственниками моего отца, Новосильцевыми. Ихъ было три сестры, дѣвушки, и два молодыхъ брата, всѣ замѣчательно высокаго роста и красивые собой, особенно меньшой братъ, Александръ. Всѣ они были милыя, добрыя, симпатичныя личности; они матушку очень полюбили, ѣздили къ намъ ежедневно, а съ нами, дѣтьми, играли и всегда ласково разговаривали.

Ѣздили мы съ матушкой черезъ пловучій мостъ въ старый городъ осматривать крѣпость, куда съ трудомъ вывезли нашу карету въ гору по крутой, въ двадцатыхъ годахъ плохо мощенной улицѣ. Въ крѣпости стояла каменная церковь, гдѣ покоился прахъ гражданина Минина; но она тогда была такъ ветха, что въ ней не служили и даже отказались намъ ее отпереть.

«Опасно», говорили...

Это было 70 лѣтъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ много перемѣнъ къ лучшему въ Нижнемъ Новгородѣ, церковь великолѣпно реставри-

---

[1]) Ей предложили вина, но она отказалась и попросила квасу. Но, конечно, квасу на парадномъ обѣдѣ не оказалось. Тогда губернаторъ приказалъ адъютанту велѣть принести квасу. Тотъ вскочилъ изъ-за стола и побѣжалъ исполнить капризъ дѣвочки, и квасу ей немедля принесли.

рована, и можно безопасно поклониться праху знаменитаго спасителя отечества нашего.

Въ числѣ же перемѣнъ не къ лучшему полагаю, что жизнь въ Нижнемъ Новгородѣ теперь во время ярмарки гораздо дороже, чѣмъ она была въ 20-хъ годахъ, когда пути сообщенія со столицами были гораздо затруднительнѣе. Такъ какъ заказъ обѣда и расходъ по кухнѣ порученъ былъ мнѣ, то помню, какъ вся съѣстная провизія была дешева, а изъ разговоровъ съ тетушками Новосильцевыми я убѣдилась, что платила настоящую цѣну. Мы и люди наши ѣли ежедневно уху изъ живыхъ стерлядей; у насъ за столомъ подавались также свѣжія стерляди, было и мясное блюдо, и пирожки, и пирожное. Насъ обѣдало господъ и прислуги семь человѣкъ взрослыхъ и двое дѣтей; весь же ежедневный расходъ не превышалъ двухъ рублей съ копейками на ассигнаціи. Какъ теперь, вижу бумажку со счетомъ, которую вручалъ мнѣ нашъ поваръ.

Какъ я выше говорила, съ отцемъ пріѣзжалъ въ Нижній Новгородъ его секретарь, Петръ Павловичъ Поповъ; старшій сынъ его Александръ Петровичъ одно время съ нами воспитывался. Онъ былъ четырьмя годами старше меня; съ нами учился онъ у матушки катехизису, у стараго француза monsieur Doublet [1]), гувернера моего старшаго брата,—французскому и латинскому языку. Александру Попову было тогда лѣтъ тринадцать. Присмотръ за нимъ такъ же, какъ за нами, былъ очень строгій. Утромъ, въ Михайловскомъ, матушка какъ-то увидала, какъ Поповъ крадется въ кухню и смотритъ, какъ рѣжутъ и потрошатъ птицу и поросятъ къ обѣду. Она пришла въ ужасъ, усмотрѣвъ въ этомъ поступкѣ кровожадные инстинкты. Мальчикъ подвергся выговору, и строго-настрого ему было запрещено впередъ ходить въ кухню.

Впослѣдствіи, Александръ Петровичъ Поповъ, кончивъ блистательно курсъ въ Московскомъ университетскомъ медицинскомъ факультетѣ, сдѣлался знаменитымъ хирургомъ со степенью доктора медицины, наконецъ главнымъ врачемъ, директоромъ Ново-Екатерининской больницы въ Москвѣ. Дружба наша съ нимъ поддержалась до старости. Онъ, смѣясь, потомъ разсказывалъ моему отцу и матери, какъ въ дѣтствѣ его мучило любопытство узнать то, что

---

[1]) Г-нъ Дубле (Doublet) былъ дворянинъ-эмигрантъ; находился въ числѣ gardes du corps, тѣлохранителей, защищавшихъ во дворцѣ, Луврѣ, несчастнаго Людовика XVI во время нападенія на него народной толпы. Потерявъ во время революціи свое имѣніе «But aux chenes», онъ прибылъ въ Россію, гдѣ жилъ своимъ трудомъ: онъ познакомилъ насъ съ своей женой, которая была совершенная grande dame, аристократка. Сынъ ихъ, чтобъ прокормить семью, открылъ въ Москвѣ, на Кузнецкомъ мосту, конфектный магазинъ, который тогда былъ лучшимъ въ столицѣ. Всѣ дочери его были красавицы и воспитывались у бабушки своей въ Парижѣ. Одна изъ меньшихъ, Жозефина, вышла замужъ за книгопродавца, негоціанта Владиміра Готье.

кроется внутри тѣла, какіе тамъ, и какъ устроены пищеварительные органы, вотъ причина, почему онъ крался въ кухню и разглядывалъ внутренности битыхъ птицъ и животныхъ.

— «Видишь, Софи,—смѣясь сказалъ отецъ,—какъ ты чуть не загубила въ зародышѣ таланта и будущности Попова!»

Выйдя въ отставку, отецъ занялся хозяйствомъ, а въ свободные часы дѣлалъ переводы съ иностранныхъ языковъ на русскій и писалъ стихи. Нѣкоторые изъ нихъ были въ то время напечатаны, а стихотвореніе его «Десятая Пятница» было напечатано въ 1896 г. въ «Тобольскихъ Вѣдомостяхъ», но любимой забавой его были ружейная и псовая охота.

IX.

Село Сергіевское.—Наша жизнь въ немъ.—Степные помѣщики.—Доморощенное представленіе.—Агашка.—Старушка П.—Н. П. Аксеновъ.—Его жена и дѣти.—Печальная судьба жены Н. Н. Аксенова.

Въ 20-хъ годахъ нашего вѣка, Рязанскую губернію называли степною, и мало кто тамъ живалъ изъ тѣхъ, которые, справедливо ли или нѣтъ, считались хорошимъ обществомъ. Изъ степныхъ имѣній получали доходы, которые проживались въ столицахъ или подмосковныхъ.

Село Сергіевское, Рязанской губерніи, Данковскаго уѣзда, около 3.000 десятинъ черноземной почвы (какъ уже говорила я въ I главѣ), досталось отцу моему по завѣщанію мачихи. Первое время управлялъ имъ тотъ же самый приказчикъ изъ дворовыхъ, что былъ еще при покойной барынѣ. Отецъ служилъ и только урывками наѣзжалъ въ степное имѣніе.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ Сергіевское мы не ѣздили, а живали зимой въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Михайловскомъ. Но, въ концѣ 20-хъ годовъ, отецъ, хотя и служилъ, но рѣшился отпустить стараго приказчика, самому заняться степнымъ сельскимъ хозяйствомъ и проводить въ Сергіевскомъ всѣ даваемые ему отпуски, потому что при старомъ управителѣ дѣло шло черезчуръ плохо.

Къ тому же степной край изобиловалъ тогда всякой дичью, отецъ же былъ, какъ я уже говорилъ, страстнымъ охотникомъ; въ настоящее время степью этотъ край назвать уже нельзя, но въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ подлинно былъ степью, населенной дикарями. И въ ней поселился отецъ со всѣмъ семействомъ.

Матушка, изъ любви къ мужу, согласна была на всѣ лишенія, но мы, дѣти, были въ отчаяніи, покинувъ наше прелестное Михайловское съ его цвѣтущими лугами, ароматными лѣсами, песчаной почвой, на которой самый обильный дождь, по прошествіи ча-

са, не оставлялъ и слѣда: гуляй, куда хочешь! А тутъ что?—Вмѣсто дома-дворца, съ дорогой мнѣ картинной галлереей, большими террасами, просторными дѣтскими, попали мы въ низенькій домикъ, составленный изъ двухъ избъ и сѣней ихъ, крытый соломой; негдѣ развернуться, поиграть, а выйдешь изъ дома—пустое мѣсто, сада нѣтъ, цвѣтовъ нѣтъ. Вмѣсто прозрачныхъ, хрустальныхъ волнъ милой намъ Москвы-рѣчки, струившейся по бѣлому песку между красивыми зелеными берегами, поросшими лѣсомъ или окаймленными цвѣтущими лугами—тинистый прудъ, въ желтую и мутную воду котораго намъ гадко было погружаться. А земля? эта черная земля (дорогая владѣльцу), эта при малѣйшемъ дождѣ невылазная черная грязь—наводили на насъ такое уныніе, такую тоску, что мы бродили, какъ тѣни Дантова ада.

Хуже всего для насъ было то, что въ Сергіевскомъ, выстроенномъ на низменности, было полное отсутствіе всякаго вида. Этотъ стѣсненный со всѣхъ сторонъ, узкій горизонтъ давилъ насъ, точно само небо спустилось надъ нами свинцовымъ сводомъ, мѣшало намъ свободно дышать, будто изъ длинно-зоркихъ сдѣлалъ насъ близорукими. Понимаю вполнѣ, что горные жители въ равнинахъ умираютъ съ тоски по родинѣ.

Лѣса были такъ далеко отъ усадьбы, что пѣшкомъ добраться до нихъ было невозможно, особенно по этой черной пыли или черной грязи. Ни грибовъ, ни ягодъ, ни цвѣтовъ! Наше до тѣхъ поръ ликующее, безоблачное дѣтство вдругъ омрачилось. Съ того времени прошло почти три четверти вѣка, а я еще живо помню эту тяжелую для насъ пору.

Матушка, какъ всегда, ясная и спокойная, и не показывала, до чего, вѣроятно, и ей тяжела была перемѣна жизни, а старалась только насъ развлечь. Намъ запрягали ежедневно тройкой длинную линейку и катали по окрестностямъ; возили въ лѣсъ съ разными съѣстными припасами, чтобъ, погулявши, могли и закусить. Понемногу мы стали привыкать къ новому мѣстожительству.

Матушка, съ своей стороны, принудила себя заниматься чуждымъ ей до тѣхъ поръ степнымъ сельскимъ хозяйствомъ; оно было необходимо по случаю служебныхъ отсутствій отца. Повела она дѣла отлично; доходы увеличивались съ каждымъ годомъ. Но могла ли она, привыкшая къ образованному обществу, сжиться съ тѣмъ, что составляло наше степное сосѣдство?

Тотъ, кто читалъ «Семейную хронику» Аксакова, помнитъ впечатлѣніе, произведенное на молодую Багрову пріѣздомъ ея къ свекру въ степь. Къ счастію, хотя матушка жила въ первое время въ двухъ сплоченныхъ избахъ, произведенныхъ въ хоромы, но она жила дома, у себя, хозяйкой и свободной въ своихъ дѣйствіяхъ. Привыкшая весь день заниматься нами, дѣтьми, и боясь, что деревенскія знакомства помѣшаютъ ей быть съ нами неразлучной, при-

томъ сознавая чутьемъ то, чѣмъ были ея сосѣди, она сначала замкнулась въ четырехъ стѣнахъ и ни къ кому не поѣхала съ визитомъ. Это поведеніе было противно всѣмъ правиламъ учтивости по степнымъ понятіямъ. Новопріѣзжіе обязаны были ѣхать знакомиться со старожилами. Матушка прослыла гордячкой, московской комъильфо [1]), что̀ постепному равнялось бранному слову.

Стали сосѣди ждать да поджидать перваго визита новопріѣзжей, но, видя, что трудъ напрасенъ, они, конечно, изъ неопреодолимаго любопытства, начали одинъ за другимъ являться въ село Сергіевское—знакомиться. Первые появившіеся немедленно довели до свѣдѣнія остальныхъ, что «гордячка»—вовсе не горда, напротивъ, очень любезная, внимательная хозяйка, къ тому же—хороша собой.

Потекли къ намъ сосѣди со всѣхъ сторонъ. Это случилось съ самаго перваго пребыванія родныхъ въ степи. Когда же, нѣсколько лѣтъ спустя, мы изъ Михайловскаго переселились въ Сергіевское, то мы, привыкшіе къ постоянному обществу матери, скучали съ нашими гувернантками, а матушка, хотя изъ вѣжливости того не показывала, но также скучала среди незванныхъ гостей, съ которыми не имѣла ничего общаго. Однѣ сплетни, отсутствіе всякаго образованія и любознательности, невыносимая ею игра въ карты — вотъ то, что она въ нихъ нашла.

А тутъ являлись эти сосѣди, часто съ цѣлой ордой дѣтей, воспитанныхъ по ихъ образу и подобію, и оставались, по принятому у нихъ обычаю, не прошенные, гостить по два, по три дня, иногда и цѣлую недѣлю. Матушка пришла въ отчаяніе.

Домикъ тѣсный, куда помѣстить эту орду гостей? Одно она свято соблюдала. Въ нашу дѣтскую комнату никогда съ нами не помѣщала пріѣзжихъ, боясь для насъ сближенія съ чужими дѣтьми, въ которыхъ просвѣчивала уже испорченная нравственность.

Но что дѣлать? — на полу въ гостиной, въ столовой навалятъ перинъ, а иногда для дѣтей просто сѣна, покроютъ коврами, постелютъ поверхъ простынями, одѣялами, наложатъ подушекъ, и пріѣзжіе «вповалку» на этомъ спятъ. Это ихъ не смущало, не мѣшало продолжать своего гощенія.

Между тѣмъ, матушка съ умысломъ не спѣшила отдавать визитовъ. Наконецъ, поѣхала утромъ, посидѣла въ гостяхъ съ часъ и велѣла подавать лошадей, которыхъ впередъ запретила кучеру отпрягать.

— Какъ?—съ удивленіемъ воскликнули хозяева.—Вы хотите ѣхать? А мы думали, вы останетесь у насъ ночевать? (Это за восемь верстъ отъ дома!)

— Извините, не могу.

— Ну, хоть откушайте у насъ!

---

[1]) «Comme il faut».

— Извините, меня дѣти ждутъ къ обѣду.

Такимъ образомъ, матушка уѣзжала, возбудивъ негодованіе хозяевъ, отдавшихъ уже приказъ перерѣзать горло домашней птицѣ, а, можетъ быть, и зарѣзать быка, чтобы угостить московскую гостью.

«Мало-по-малу, разсказывала матушка, отучила я сосѣдей поселяться у меня на нѣсколько дней и пріучила къ утреннимъ визитамъ. Они стали бояться быть не «комъ-иль-фо» и захотѣли, хоть тѣмъ, подражать столичнымъ модамъ. А я-то какъ рада была опять возвратиться къ обычнымъ своимъ занятіямъ».

Однажды матушкѣ невозможно было, не обидѣвъ кровно старушку сосѣдку и старика ея мужа, добрыхъ впрочемъ людей, отказаться пріѣхать къ нимъ на какія-то именины. Насъ же она никогда никуда не возила.

На этомъ званомъ вечерѣ, такъ какъ матушка въ карты не играла, хозяйка захотѣла занять ее тѣмъ, чѣмъ сама привыкла забавляться.

— Хотите вы, Софья Гавриловна, посмотрѣть Агашку? Это такъ забавно!

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтила матушка, не понимая, въ чемъ дѣло.

Хозяйка пригласила матушку въ залу, а сама вышла распорядиться. Черезъ четверть часа, дверь въ коридоръ распахивается, является толпа босой дворни, наряженной въ разныя лохмотья; у кого овчинная шуба надѣта наизворотъ и т. д.

— Вотъ и Агашка!—съ восторгомъ объявляетъ хозяйка.

То была какая-то босая баба, державшая шестъ съ перекладиной, на которой висѣла грязная, дырявая простыня, скрывавшая дѣйствующее лице, а на верху шеста привязаны были лохмотья. Сквозь дырья грязной простыни виденъ былъ любопытный глазъ, выглядывающій на невиданную до тѣхъ поръ гостью. Эта босая, грязная невидика шлепала ногами, изображая какой-то дикій танецъ подъ аккомпаниментъ дикихъ же возгласовъ окружающей ее толпы. Этотъ танецъ назывался—Агашкой (фактъ).

Артисты, удалившись наконецъ, оставили послѣ себя, принесенный ими, смрадный воздухъ.....

Представьте же себѣ образованную молодую женщину лицемъ къ лицу съ Агашкой!

Съ тѣхъ поръ матушка всѣми силами старалась избѣгать именинныхъ приглашеній.

Когда матушка стойкостью и энергіей избавилась отъ нашествія двунадесяти языковъ, жизнь наша въ Сергіевскомъ приняла нормальный характеръ. Отецъ къ дому сдѣлалъ пристройки, кругомъ развелъ садъ, насажалъ деревьевъ, кустовъ и цвѣтовъ; по пруду, длиной съ цѣлую версту, мы катались на лодкѣ. Отецъ, по пра-

вую сторону плотины, вырылъ второй прудъ съ островкомъ посрединѣ; на немъ насадилъ деревья. Въ этомъ второмъ прудѣ, болѣе глубокомъ, вода была чище, тамъ поставили намъ купальню, гдѣ мы лѣтомъ купались. Въ домѣ стали помѣщаться просторно и удобно; уроки шли, какъ слѣдуетъ, своимъ порядкомъ, и черноземъ насъ болѣе не смущалъ.

Но милое Михайловское навсегда осталось у насъ въ памяти, какъ земной рай, изъ котораго мы были изгнанниками.

Когда сестрѣ Лизѣ было пятнадцать лѣтъ, а я уже была замужемъ и прикрѣплена къ черноземной почвѣ, она съ родителями нашими провела одно лѣто въ селѣ Михайловскомъ, посѣтила съ наслажденіемъ всѣ мѣста нашихъ любимыхъ прогулокъ, а въ розовой гостиной, на розовыхъ гардинахъ окна, нашла вѣнокъ изъ полевыхъ, безсмертныхъ цвѣтовъ, который мы десять лѣтъ передъ тѣмъ къ нимъ прикололи, когда 28 іюля праздновали день, когда ей, Лизѣ, минуло 5 лѣтъ.

Но мнѣ не суждено было увидать прежняго Михайловскаго, развѣ только во снѣ. И какъ я, бывало, обрадуюсь такому сну!

Послѣ кончины матушки, земля при селѣ Михайловскомъ, по завѣщанію, досталась мнѣ, а я отдала ее дочери своей Александрѣ. Но вмѣсто дома-дворца, проданнаго на свозъ, на томъ же мѣстѣ, надъ обрывомъ, стоитъ небольшая ферма, чистенькая и опрятная. Тамъ живетъ дочь моя съ мужемъ и дѣтьми. Разница огромная!

Не хочу кончать этой главы, не прибавивъ нѣсколькихъ словъ о степныхъ нашихъ сосѣдяхъ села Сергіевскаго.

Самая старшая и всѣми уважаемая сосѣдка въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія была восьмидесятилѣтняя старушка г-жа П. Первымъ ея мужемъ былъ нѣкто г. Т. Овдовѣвъ она вышла за А. П. Вотъ то, что она, полюбивъ мою мать, ей о себѣ разсказала:

«Было мнѣ, голубушка, всего двѣнадцать лѣтъ отъ роду; сижу я на полу, играю въ куклы. Входитъ моя матушка съ какимъ-то офицеромъ и говоритъ мнѣ:

— «Дочка! вотъ твой женихъ, Т—ъ.

«Я расплакалась: ужъ больно жаль мнѣ было своихъ игрушекъ! Ихъ у меня всѣ отобрали и обвѣнчали меня съ Т—мъ. Мужъ мой былъ добрый-предобрый, баловалъ меня, а я его терпѣть не могла.

«Пошелъ мой мужъ съ полкомъ на войну, а я-то молю Бога, чтобъ его тамъ убили, такъ я его ненавидѣла. Грѣшна, сударыня, была, неразумна. И наказалъ меня за то Господь Богъ. Добрый-то мужъ померъ, а я влюбилась въ негодяя, развратнаго, вышла за него замужъ и чего-чего не натерпѣлась отъ него! Одному Богу извѣстно!»

Почтенная старушка г-жа П. не жила съ мужемъ. Всѣмъ извѣстно было, что она, безупречная, принуждена была удалиться въ

свое имѣніе, Тульской губерніи[1]), гдѣ доживала свой вѣкъ у сына своего А. П. Мужъ ея, не довольствуясь грубымъ разгуломъ въ домѣ своемъ, отъ живой жены обвѣнчался съ дѣвицей изъ дворянъ К. Законная же жена никогда не изъявляла на него неудовольствія, такъ что прижитыя имъ отъ К—й дѣти считались законными, носили имя отца П. и наслѣдовали его имѣніе. Я видала его двухъ сыновей у А. А. П., который ихъ принималъ ласково, какъ братьевъ: они были недурны собой и образованные молодые люди; кромѣ хорошаго, ничего о нихъ не слыхала.

Старая г-жа П. имѣла по одному сыну отъ каждаго мужа; сама по себѣ богатая, она обоихъ сыновей наградила хорошимъ имѣніемъ; оба жили въ нашемъ сосѣдствѣ.

Былъ у насъ еще сосѣдъ, очень образованный человѣкъ. То былъ старикъ, тогда лѣтъ семидесяти, служившій еще при дворѣ императрицы Екатерины II и сохранившій всю осанку и обращеніе придворнаго вельможи, хотя обстоятельства его въ 20-хъ годахъ были очень плохи. Онъ принужденъ былъ жить и зиму, и лѣто въ своемъ селѣ, Лошакахъ, что на Дону, въ Данковскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи. Онъ разорился на службѣ, обогатившей его сверстниковъ. То былъ Николай Петровичъ Аксёновъ. Его высокій, стройный ростъ, утонченная учтивость, вѣчно безукоризненная бѣлизна батистоваго галстуха такъ отличали его отъ прочихъ степныхъ посѣтителей, что поразили даже меня, ребенка.

Николай Петровичъ Аксёновъ, вѣроятно, самъ радъ былъ образованному обществу, часто посѣщалъ насъ, иногда обѣдалъ, но никогда не оставался ночевать. Къ нему родные мои ѣзжали съ удовольствіемъ и насъ, дѣтей, туда съ собой брали, тогда какъ къ прочимъ сосѣдямъ никогда не возили.

Николай Петровичъ Аксёновъ, къ сожалѣнію, былъ женатъ на необразованной, хотя и хорошей женщинѣ, его любившей и ходившей за нимъ, какъ за ребенкомъ. Онъ ее къ намъ не возилъ, но матушка, будучи у нихъ, всегда ласково съ ней обращалась, что мужъ ея очень цѣнилъ.

Старикъ Аксёновъ былъ страстнымъ охотникомъ до лошадей, имѣлъ свой отличный заводъ, единственный остатокъ прежней роскоши. Такъ какъ дѣла были черезчуръ плохи, то Николай Петровичъ рѣшился разстаться съ своими любимцами. Пріѣхалъ покупатель и далъ ему 12.000 рублей чистыми деньгами за оставшіяся шесть лошадей.

Эта сумма совершенно поправила бы семейныя дѣла Аксенова: онъ получилъ деньги, лошадей увели. Но въ тотъ же вечеръ старикъ съ горя опасно заболѣлъ. Жена, немедля, ночью же отправила деньги назадъ и вернула коней.

---

[1]) Смежной съ Рязанской.

Старикъ ожилъ.

Были у нихъ два сына. Старшій, Семенъ Николаевичъ, воспитывался и служилъ въ Петербургѣ, былъ выдающимся артистомъ-гитаристомъ, проводилъ дни въ обществѣ графовъ Віельгорскихъ, меценатовъ и самихъ искусныхъ музыкантовъ. Я его мало знала.

Второй сынъ, Николай Николаевичъ, никогда не выѣзжавшій изъ деревни, часто бывалъ у насъ. Онъ нигдѣ и ничему не учился, но обладалъ юморомъ и остроуміемъ недюжиннымъ: его остроты были мѣтки и часто злы, но ему все прощалось, потому что собесѣдникомъ онъ былъ очень пріятнымъ. Въ карты игралъ замѣчательно хорошо.

Проболтавшагося до 17-ти лѣтъ среди отцовской дворни Николая Николаевича записали юнкеромъ въ какой-то полкъ, а 18-ти лѣтъ неотесаннаго малаго женили на дѣвушкѣ съ высшимъ образованіемъ, сестрѣ ученаго профессора, съ которымъ она дѣлила всѣ научные его труды. У нея, какъ говорятъ, былъ женихъ, горячо ею любимый. Онъ куда-то долженъ былъ уѣхать, и ее увѣрили, что онъ умеръ, и уговорили выйти за Аксёнова. Разсказываютъ, будто въ церкви, уже послѣ вѣнчанія, она увидала въ толпѣ любимаго ею человѣка, съ отчаяніемъ на нее смотрѣвшаго... Она потеряла сознаніе.

Эта драма относится къ началу нашего столѣтія, и за достовѣрность этого разсказа я не ручаюсь. Достовѣрно только то, что свѣтски образованная молодая женщина не вынесла жизни съ нелюбимымъ, невоспитаннымъ мужемъ, вышедшимъ въ отставку и привезшимъ ее въ степную глушь, подъ начало необразованной свекрови. Она сошла съ ума... Ее отправили въ дальнюю деревню, приставивъ къ ней двухъ служанокъ изъ крѣпостныхъ. Несчастная въ зимнюю ночь убѣжала отъ заснувшихъ, нерадивыхъ сидѣлокъ и замерзла среди снѣжнаго поля. Это знаю отъ огорченныхъ ея дочерей. Ихъ было двѣ: старшая, Анна Николаевна, была умна и красива; меньшая, Софья, несмотря на большіе, черные, умные глаза, была не хороша собой, ее портилъ слишкомъ смуглый цвѣтъ лица, но она была образована въ мать и остроумна въ отца: она, какъ говорится, за словомъ въ карманъ не ходила и умѣла за себя постоять. Обѣ онѣ воспитывались въ почтенномъ и образованномъ семействѣ К., друзей ихъ матери, и, будучи обѣ любознательны, обучились грамотно не только русскому языку, но французскому, нѣмецкому и англійскому.

Онѣ обѣ пріѣзжали къ роднымъ въ с. Лошаково, а у насъ гащивали по цѣлымъ мѣсяцамъ. Матушка ихъ очень любила. Онѣ обѣ были гораздо старше меня.

Анна Николаевна вышла замужъ за г. С., а Софья гораздо позднѣе за рязанскаго помѣщика.

Судьба ихъ несчастной матери и трагическая ея кончина по-

трясли впечатлительную душу моей матери; она себѣ представляла жизнь этой страдалицы въ глуши степной деревни: ни книгъ, ни общества, ни любви... Однажды старуха Аксёнова заговорила съ матушкой о своей невѣсткѣ.

— Мы, сударыня, давно замѣчали, что наша молодая не въ своемъ умѣ.

— Почему вы это увидали?

— Да какъ же, сударыня! въ дѣтскихъ она велѣла надѣлать форточекъ, да каждый день и зимой даже ихъ отворяла. Выведетъ, бывало, дѣтей изъ комнаты и форточки откроетъ! Ну, кто же въ умѣ это станетъ дѣлать?

X.

Братъ Александръ.—Предсмертная болѣзнь и кончина отца и матери.

Кстати или некстати, запишу здѣсь случай, еще ярче характеризующій личность моего милаго брата Александра.

Въ одну изъ нашихъ поѣздокъ на своихъ лошадяхъ изъ деревни въ Москву, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, между двухъ станцій, вдругъ, среди поля поднялась вьюга и страшная мятель при 25-ти-градусномъ морозѣ. Такіе сюрпризы бываютъ въ нашей матушкѣ-Руси. Кучеръ остановилъ лошадей, сошелъ съ козелъ и, отворивъ дверцы возка, гдѣ мы всѣ четверо сидѣли съ матушкой, объявилъ, что форейторъ, ѣхавшій на уносныхъ [1]), сталъ замерзать, несмотря на теплую одежду. Въ нашихъ степныхъ мѣстахъ тогда селенія были рѣдки, до ближайшаго оставалось цѣлыхъ шестнадцать верстъ. Какъ тутъ быть?

Матушка растерялась. Тогда пятнадцатилѣтній братъ Александръ, не говоря ни слова, вылѣзъ изъ возка, посадилъ къ намъ на свое мѣсто форейтора, который тотчасъ согрѣлся, самъ же сѣлъ на его лошадь, взялъ другую за поводъ и благополучно довезъ насъ до станціи. Молодецъ былъ милый, великодушный Александръ!

Братъ вступилъ шестнадцати лѣтъ въ юнкеркую школу, въ Петербургѣ, а оттуда въ гвардейскій егерскій полкъ офицеромъ. Двадцати шести лѣтъ женился на Марьѣ Николаевнѣ Небольсиной [2]) и былъ военнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при московскомъ генералъ-губернаторѣ. Во время крымской войны онъ перешелъ въ дѣйствующую армію и повелъ свой баталіонъ въ Севастополь, гдѣ и погибъ, оставивъ молодую вдову и пять человѣкъ дѣтей.

---

[1]) Уносныя лошади, запряженныя впереди на длинныхъ постромкахъ; на правой лошади сидитъ форейторъ, а лѣвую держитъ за поводъ.

[2]) Дочери Н. А. Небольсина, московскаго губернскаго предводителя дворянства.

Можетъ быть, со временемъ вспомню еще другія подробности, дополняющія характеристику другихъ членовъ семьи моей, теперь же опишу только трогательную кончину любимыхъ мною отца и матери.

Въ 1845 году, отецъ мой простудился осенью на охотѣ и опасно заболѣлъ въ деревнѣ воспаленіемъ легкихъ. Онъ былъ при смерти боленъ; матушка день и ночь за нимъ ходила. Сама она была всегда слабаго здоровья, и тутъ, съ горя и усталости, у нея пошла кровь горломъ. Отецъ выздоровѣлъ, но потрясенный организмъ никогда болѣе не приходилъ въ прежнее здоровое состояніе. Отецъ не могъ уже, какъ бывало, по цѣлымъ днямъ не сходить съ лошади, ѣздилъ на охоту въ экипажѣ, а въ экипажѣ—что за охота? Наконецъ, родители мои переселились въ Москву и ужъ не каждый годъ могли изъ города пріѣзжать на лѣто въ деревню.

Зимой отецъ иногда катался по Москвѣ въ саняхъ, ѣздилъ въ Охотный рядъ покупать себѣ птицъ, которыхъ у него въ огромной клѣткѣ бывало много всякихъ породъ. Матушка же зимой никуда не выѣзжала, но родные, и дальніе и близкіе, и знакомые, ее ежедневно посѣщали. Иногда въ ея квартирѣ застанешь утромъ цѣлый раутъ. Она всѣхъ принимала радушно, любезно. Я уже говорила, что она владѣла разговорнымъ языкомъ, какъ никто, и что въ гостиной ея и старымъ и молодымъ всегда было весело.

Матушка рано посѣдѣла, но волосы у нея были очень густы; она подъ круглымъ, бѣлымъ чепцомъ всегда носила свои бѣлые, какъ снѣгъ, густые локоны. Одѣвалась она всегда тщательно, хотя просто, согласно лѣтамъ своимъ, въ темное, шелковое платье, сшитое капотомъ, и въ мантилью изъ той же матеріи. Она до глубокой старости была стройна и держалась прямо. Сиживала она всегда на простомъ, жесткомъ стулѣ, а мягкой мебели не терпѣла. Въ молодости ея мягкой мебели не было въ употребленіи. Она завела ее для насъ, молодыхъ, но часто намъ выговаривала въ этой дурной, по ея мнѣнію, привычкѣ.

— Портите вы себя этими мягкими креслами,—говорила она.— Отъ этой мягкой мебели и завелось теперь страданіе спинной кости. Въ мое время о немъ и слуха не было.

Очень можетъ быть, что она была права.

Матушка до старости сохранила большое вліяніе на меньшихъ сестеръ, которыя нѣкогда были ея ученицами. Онѣ были къ ней почтительны и уважали ея совѣты, несмотря на различіе ихъ характеровъ. Самая милая и любимая нами всѣми тётушка (послѣ кончины Александры Гавриловны) была Вѣра Гавриловна Хрущова, которая умѣла выносить самаго несноснѣйшаго изъ мужей, Петра Дмитріевича.

Между двумя меньшими матушкиными сестрами, Варварой и Марьей Гавриловными, часто изъ бездѣлицъ возникали ссоры, но матушка

являлась между ними посредницей, водворяла вновь согласіе и умѣла быть въ ладу и дружбѣ съ обѣими ими такъ же, какъ и съ невѣстками и зятьями, несмотря на различіе убѣжденій и привычекъ. Уживчивый ея нравъ и свѣтлый умъ тому способствовали.

Послѣ батюшкиной тяжкой болѣзни жили мои родители почти безвыѣздно въ Москвѣ болѣе десяти лѣтъ. Когда я, для воспитанія дочерей, также переѣхала на зиму въ столицу, то приходила ежедневно навѣщать своихъ стариковъ, а когда, по домашнимъ обстоятельствамъ, зимовала въ деревнѣ, то пріѣзжала на нѣсколько дней съ ними повидаться.

Отецъ, съ послѣдней болѣзни, страдалъ одышкой: вѣроятно, у него сдѣлалась водянка въ груди, но лѣчиться онъ ни за что не хотѣлъ, говорилъ, что доктора ничего не знаютъ, не понимаютъ.

— Докторъ,—говорилъ онъ,—это человѣкъ, который въ темной комнатѣ машетъ палкой. Попадетъ по болѣзни — хорошо. Попадетъ по больному — убьетъ.

Послѣднюю зиму отецъ не выѣзжалъ, рѣдко вставалъ съ постели, но сидѣлъ на ней въ шлафрокѣ и въ туфляхъ, курилъ трубку, читалъ, а по вечерамъ игрывалъ въ карты, въ вистъ или въ преферансъ. У него составлялась своя партія изъ родственницъ, не гнушавшихся его шлафрока.

Въ зиму 1855—1856 годовъ, оба брата мои находились въ дѣйствующей арміи во время Крымской войны. Жена меньшаго брата Ильи, воспитанная у меня, моя крестница Наталья Яковлевна, съ двумя малолѣтними дѣтьми, оставалась въ Москвѣ, живя у моихъ родителей, въ одномъ съ ними домѣ. Старшую ея дочь назвали Софьей въ честь бабушки, а сына матушка пожелала, назвать въ честь ея отца, а моего дѣда—Гавріиломъ, чтобъ онъ напомнилъ ей любимаго ею отца Гавріила Ильича Бибикова.

Эту зиму я жила въ деревнѣ, кормила трехмѣсячнаго сына Александра: ѣхать съ ребенкомъ зимой въ Москву было не мыслимо: тогда въ нашей мѣстности желѣзныхъ дорогъ не было. Матушка же изъ Москвы мнѣ писала аккуратно два раза въ недѣлю длинныя письма отличнымъ почеркомъ. Хотя стальныя перья уже были въ употребленіи, она по привычкѣ всегда писала гусиными и предпочитала тѣ, что я ей чинила, говоря, что чиню ихъ именно по рукѣ ея; потому я, бывало, и въ деревнѣ начиню ей нѣсколько пеналовъ и перешлю ихъ въ Москву.

10-го января 1856 года, утромъ, получаю, по обыкновенію, съ почты письмо матушки, съ припиской невѣстки Натальи Яковлевны, которая, подъ ея диктовку, продолжаетъ писанныя матушкой страницы, даетъ мнѣ подробныя извѣстія о всѣхъ петербургскихъ и московскихъ родныхъ, говоритъ, что матушка на ногахъ, но не-

много слаба, потому она, Наташа, продолжаетъ письмо подъ ея диктовку.

Вечеромъ того же дня, пріѣзжаетъ къ намъ двоюродная сестра Елисавета Матвѣевна Новосильцева, съ которой мы были дружны [1]). Одного взгляда на нее было достаточно, чтобъ понять, что она пріѣхала не съ доброй вѣстью... Она созналась, что получила эстафету [2]) изъ Москвы, что матушка скончалась.

Это было громовымъ ударомъ...

Я послала немедля за кормилицей, передала ей трехмѣсячнаго Александра и со старшей шестнадцатилѣтней дочерью, Софьей, въ ту же ночь уѣхала въ Москву. Я надѣялась еще разъ взглянуть на дорогія черты покойной матери, а отца взять и увезти съ собой въ деревню, зная, что матушка незамѣнима будетъ отцу.

Но Господь устроилъ иначе. Онъ предупредилъ меня...

Пріѣзжаю прямо въ квартиру старшаго моего сына, Ивана, студента Московскаго университета. Вхожу и, не снимая шубы, спрашиваю сына:

— Что дѣдушка?

— Развѣ ты не знаешь? Я писалъ тебѣ. Дѣдушка также скончался.

Я упала, потерявъ сознаніе.

На слѣдующій день, сынъ, котораго и дѣдушка и бабушка боготворили, и на долю котораго выпало счастье утѣшить ихъ послѣднія минуты, разсказалъ мнѣ всѣ подробности ихъ кончины.

— «Незадолго передъ этимъ, — сказалъ онъ, — бабушка говѣла, пріобщилась святыхъ тайнъ и чувствовала себя хорошо. 6-го января 1856 года она, по обыкновенію, приходила бесѣдовать съ дѣдушкой. Никакой боли не чувствовала, только слабость. 7-го утромъ она встала, умылась, одѣлась, но, вышедъ изъ спальни въ кабинетъ, почувствовала дурноту; горничная довела ее до постели, уложила и тотчасъ послала за мной. Я немедля прискакалъ.

«Бабушка со мною немного поговорила, потомъ заснула. Я при ней остался. Когда она проснулась, то опять сказала мнѣ нѣсколько словъ, пожала мнѣ руку и тутъ же тихо скончалась...

«Докторъ сказалъ, что у нея сдѣлался параличъ легкихъ.

«Я былъ въ отчаяньи. Я очень любилъ бабушку, а къ тому же мысль о дѣдушкѣ меня ужасала. Я послалъ за тетушкой Вѣрой Гавриловной [3]). Она тотчасъ пріѣхала.

---

[1]) Рожденная Муромцова, дочь сестры моей матери, Варвары Гавриловны. Имѣніе Новосильцевыхъ, село Себино, было въ 15-ти верстахъ отъ нашего села Никитскаго.

[2]) Тогда телеграфовъ еще не было. Эстафетой звали служащаго при почтѣ посланнаго, котораго отправляли съ письмомъ на почтовыхъ лошадяхъ. До насъ онъ могъ доѣхать только на третьи сутки.

[3]) В. Г. Хрущова, любимая сестра матушки, ея ученица.

«Пришла Наташа [1]).

«Собрались мы всѣ, да и разводимъ руками. — Какъ объявить дѣдушкѣ объ этомъ несчастьи? Вѣдь это его убьетъ?

«Постоимъ, постоимъ, пойдемъ къ дѣдушкѣ, поговоримъ съ нимъ, посидимъ, да опять уйдемъ. Ни у кого духа не хватаетъ правду вымолвить. Опять уйдемъ, сойдемся въ гостиной, руками разведемъ и ума не приложимъ: что дѣлать?

«Такъ прошелъ весь день. Никто ничего не сказалъ. А люди такъ оробѣли, что у нихъ подавно языкъ отнялся.

— «Что станемъ дѣлать съ Иваномъ Петровичемъ? да безъ Софьи Гавриловны?—твердили они.

«Вечеромъ дѣдушка рано собрался спать. Яковъ Ермолаевъ [2]), уложивъ его, присѣлъ въ его же комнатѣ. Ни у кого изъ людей въ этотъ день и сна не было. Сидитъ Яковъ Ермолаевъ и прислушивается къ храпу барина...

«Вдругъ слышитъ — храпъ стихъ... Что это значитъ? Сидитъ еще — все тихо. Ему стало жутко. Онъ побѣжалъ наверхъ къ Наташѣ.

— «Придите, ради Бога, Наталья Яковлевна! что-то баринъ не храпитъ!

«Сбѣгаетъ Наташа, подходитъ къ дѣдушкѣ, зоветъ его. Напрасно. Онъ скончался.

«Она тутъ же упала на стулъ и громко зарыдала»...

Вмѣстѣ отпѣвали любящихъ другъ друга супруговъ въ приходской церкви св. Ермолая, что на Садовой. Какъ подъ вѣнцомъ, стояли они рядомъ въ церкви, и рядомъ лежатъ они на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Какъ жили въ согласіи и любви, такъ и души ихъ въ одинъ и тотъ же день отлетѣли вмѣстѣ къ Всевышнему Творцу.

Екатерина Раевская.

---

[1]) Наталья Яковлевна, жена брата Ильи, моя крестница, воспитанная у меня съ моими дѣтьми.

[2]) Камердинеръ моего отца.